

И. Н. ПОПОВ

Неизвестная драма петровской эпохи «Иудифь»

Круг памятников, представляющих старший период истории драмы и театра в России, до сих пор относительно невелик, и каждая находка в этой области должна быть учтена. Тем более это нужно при назревшей необходимости коренной перестройки с позиций марксистско-ленинской методологии всей истории русского театра, начиная с первых его шагов.

Эта перестройка не может, конечно, обойтись без привлечения нового, еще неиспользованного материала. Исходя из этих соображений, сообщаем о недавно найденной нами, доселе неизвестной драме, относящейся, по всем данным, к купеческо-мещанской среде так наз. петровской эпохи.¹

I

В мае 1931 г., во время научной командировки в Житомир, нам удалось обнаружить в местном музее ценный рукописный сборник первых десятилетий XVIII в., заключающий в себе среди другого интересного, главным образом повествовательного, материала также и новую драму. Раньше рукопись эта оставалась неизвестной тем ученым, которые сообщали в печати сведения о Житомирских рукописных собраниях.² Можно поэтому предполагать, что означенная рукопись принадлежит к числу позднейших приобретений Житомирского музея.

Первоначальные сведения как о целом сборнике, так и о заключающейся в нем драме, мы сообщили в отчетной работе своей, посвященной общему обзору состава и значения Житомирских рукописных и старопечат-

¹ Статья эта написана в основном летом 1933 г. Является извлечением из подготавливаемой более обширной работы автора по истории старинного русского театра.

² Н. И. Петров. Библиотека барона Шодуара и вновь открытое древнее изображение Бориса и Глеба и м. б. Владимира. Киевская Старина, 1888, т. XXII, стр. 33—39; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 2, Киев, 1892, стр. 1336—1337; В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Житомир 21—26 октября 1910 года, Киев, 1911, а также в ряде работ и информации местных исследователей.

ных собраний.¹ Теперь означенный сборник вместе с целым рукописным собранием Житомирского музея поступил в Отдел рукописей библиотеки Украинской Академии Наук, и мы получили возможность сообщить о ново-найденной драме более подробные сведения.

*

Сборник, о котором идет речь, представляет собой рукопись в четверку на 134 листах, писанных великорусской скорописью начальных десятилетий XVIII в.

На бумаге видны водяные знаки: 1) герб г. Амстердама, 2) голова шута о 5 бубенцах, 3) лев, стоящий на задних лапах и держащий в передних пучок молний и меч. Все эти знаки указывают на конец XVII в. и на начальные десятилетия XVIII.²

Переплет, разбитый и наполовину истлевший, состоит из склеенных (теперь частью расклеившихся) бумажных листков, записанных великорусской скорописью XVIII в. На уцелевших листках можно прочесть, что для переплета рукописи послужили: «Тетрадь записная Краснослободского острогу крестьянина Вожинова, кому имявно даны в кожи сырые деньги... сего 1735 году» и «Тетрадь расходу Алексея Бабинова и Федора Деготникова сего 1735 году». Из приходо-расходных записей на листках, составляющих переплет рукописи, видно, что тетради, послужившие для переплета, принадлежали крестьянам-артельщикам, скупщикам кож. Эти записи не лишены некоторого интереса для определения той возможной (sic!) среды, в которой обращался сборник с заключенной в нем драмой, во время, как увидим, не столь отдаленное от времени составления драмы.

Подбор памятников, среди которых обнаружена в сборнике интересующая нас драма, достаточно характерен. В основной своей части он отличается антифеодальной и антиклерикальной тенденцией. Считаю нелишним привести сведения о составе сборника в целом:

Лл. 1—9 об. О взятии Царяграда от безбожного Махмета Амуратова сына, турского царя, еже при Костянтине царе, сыне Манайлове. Нач.:

¹ «Рукописи й стародруки Житомирських збірок, як джерела для історії літератури феодальної доби». Работа эта прочитана в УАН 24 ноября 1931 г. и подготовлена к печати.

² В пределах между 80-ми годами XVII в. и вторым десятилетием XVIII в. включ. (Н. П. Лихачов. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. II, СПб., 1899, стр. 124, 266 и 414).

В лѣто 6961, в царство... Это — повесть о взятии Византии турками в 1453 г., выписанная из Хронографа второй редакции.¹

Лл. 9 об.—14 об. Сказание о царѣ турском Махметѣ, како хотѣл сожещи книги греческия. Нач.: Царь Махмет солтан сяде на царском престолѣ... Сочинение Ивана Пересветова, выписанное из того же источника.²

Лл. 14 об.—19. О албанской странѣ и княжествѣ их — Нач.: Страна нѣкая Албания... Выписка из того же источника.³

Лл. 19—24. Титово пришествие на Ерусалим. Нач.: Приде же Тит со многими языки...

Лл. 24—30 об. О Кирѣ царѣ перском, откуда родися і како возрасте і о царствѣ его. Нач.: Астиагу царю царствовавшу...

Лл. 31—34. Царство Ираклиево. Нач.: По Фоки мучителѣ царствова Ираклий...

Лл. 35—59 об. О прѣмудрѣ Іудифѣ, како Оловерну главу отсече Іудивъ. Нач.: Является царь Новхудоносоръ с бояры своими... Текст драмы, стоящей в центре нашего интереса в данное время.

Лл. 60—74 об. Житіе Петра і Февроніи. Нач.: Богу отцу і присносущному солнцу божию сыну... Здесь — вторая (по классификации В. Ф. Ржиги) редакция памятника, обработка которого приписывается писателю XVI в. Ермолаю — Еразму.⁴

Лл. 74 об.—78 об. Повесть и сказание о Вавилонѣ, послание Льва царя, о крещение (sic!) Василя, в Вавилонѣ испытати і взяти знамения у святыхъ трехъ отрокъ Ананіи, Азаріи і Мисала (sic!). Нач.: Первое посланіе ꙗко человѣка христьянского рода Сурожского... Это — „Повесть о Вавилонском царстве“ в списке, отличающемся по началу от приведенного Пыпиным,⁵ а также от вариантов, изданных Костомаровым.⁶

¹ Андрей Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции (Приложение к Обзору хронографов русской редакции) Москва, 1869, стр. 160—165.

² Там же, стр. 165—167.

³ Там же, стр. 156—159.

⁴ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. Летопись занятий Археограф. комиссии Акад. Наук СССР, вып. XXXIII, Лгр., 1926, стр. 117—129. Вторая редакция повести напечатана Н. Костомаровым в Памятниках старинной русской литературы, издаваемых Кушелевым-Безбородко, вып. I, СПб., 1860, стр. 39—45, 47—48.

⁵ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. Ученые записки второго отделения Акад. Наук, кн. IV, СПб., 1858, стр. 101—102.

⁶ Памятники старинной русской литературы, издаваемые Кушелевым-Безбородко под ред. Костомарова, вып. 2, СПб., 1860, стр. 391—396.

Лл. 78 об. — 83 об. Слово от дрѣвнихъ списаній... Нач.: Нѣкий бяше князь христіанскій... Это—повесть, заключающая в себе описание в стиле пародий своеобразного «диспута» — потасовки о преимуществах вероисповеданий между пьяницей-скоморохом, представителем христианской веры, и плешивым «философом» Тараскою, — представителем еврейской.¹

Лл. 84—86. Слово о напрасном татѣ. Нач.: Бысть нѣкогда крестьянский сын, учал учиться грамотѣ... Повесть о «крестьянском сыне», написанная также в стиле пародий на разные церковные предметы и тексты. «Напрасный татѣ», он же «крестьянский сын», обирая ночью «богата чело-вѣка», парализовал его бдительность ловко подобранными и остроумно примененными к обстоятельствам ночного ограбления цитатами из так. наз. «священного писания» и богослужебных книг.²

Лл. 87—91. Сказание о кура і о лисице, какъ сѣдѣл на дрѣвѣ, а лисица кура к себѣ з древа манила. Нач.: Приде в вѣкое время лисица тайно ко двору крестьянскому... Подобно двум предшествующим повестям эта также отличается антиклерикальным направлением.³

Три последние повести представляют собой довольно редкую и малоисследованную группу памятников с ясно выраженной тенденцией борьбы литературным словом с идеологией правящих классов, особенно духовенства.

Лл. 91—92. Плач Адама. Нач.: Всплачется Адам пред раемъ стоя... Очень популярный в свое время «духовный стих» об Адаме.

Лл. 92 об.—99 об. Сказание о Удонѣ, епископѣ Магдебургстемъ, како он страшнымъ и ужаснымъ образомъ смерти преданъ и велми грозно осужденъ. Нач.: В лѣто от воплощения божія слова... Это — известная повесть о гибели епископа Удона из сборника «Великое Зерцало».

Лл. 100—134. О Варлааме и Иоасафе. Нач.: Индійская страна глаголемая далече убо отстоитъ... Тут имеем дело с извлечением из известной повести об Индийском царевиче Иоасафе и пустынноике Варлааме.

¹ Эта повесть в двух редакциях издана Н. С. Тихонравовым в «Летописях русск. литературы и древности» т. III, кн. 5, отд. 2, М., 1861, стр. 70—78, — на основании списков конца XVII и XVIII вв. Насколько можно судить из беглого пока просмотра нового списка, он контаминирует обе изданные редакции.

² Под заглавием «Сказание о крестьянском сынѣ» эта повесть издана А. В. Марковым в «Памятниках старой русской литературы», — Известия Тифлиских высших женских курсов, книга 1, вып. 1, Тифлис, 1914, стр. 153—156, а также В. И. Срезневским в «Приложениях» к его сообщению: «Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, послуживших в Рукописное отделение Библиотеки Акад. Наук в 1902 г.», СПб., 1903, стр. 106—107.

³ См. об этом памятнике статью В. П. Адриановой-Перетц — Труды ОДЛ, т. II, Л. 1935 стр. 215—270.

Выписка здесь сделана из первых шести глав старопечатного Московского издания повести 1681 г. (лл. 2 об.—27 об.).

Таково литературное окружение новонайденной драмы в сборнике.

Кроме вышеотмеченных трех повестей с антиклерикальной тенденцией и с рядом признаков их составления и обращения в средних и низших кругах, не случайно здесь собраны также и остальные статьи. Некоторые из них обнаруживают характерный для эпохи оживления торгового капитала в петровскую эпоху интерес к восточным странам.¹ Правда, этому интересу в данном случае должны были удовлетворять лишь старые литературные средства, унаследованные от допетровской эпохи, вроде соответствующих выписок из «Хронографа» и т. п.²

Не случайно составитель сборника ограничился выпиской лишь первых шести глав из «Исторіи или повѣсти о пустынноикѣ Варлаамѣ и царевичѣ Индійскомъ Иоасафѣ» (Москва, 1681). Выписанные здесь первые главы содержат всего больше, так сказать, «географических», «исторических» и подобных сведений об Индии, ее нравах, обычаях, но как только начинается (с 7-й главы) пространное догматическое изложение пустынноиком Варлаамом православного учения новообращенному царевичу Индийскому Иоасафу,² — составитель сборника прекращает выписку.

В близком соседстве с интересующей нас драмой, действие которой, кстати, происходит также на Востоке (Ассирия и пограничный город Иудей — «Вифулия»), в Житомирском сборнике находится «Повесть о Вавилонском царстве», где, между прочим, фигурирует тот же Навуходоносор, что и в нашей драме, но с оттенком волшебства. Упомянутый в драме с подчеркнутым, но недостаточно мотивированным почтением меч Навуходоносора, данный Олоферну для похода на иудеев, в «Повести о Вавилонском царстве» выступает как чудесный «меч-самосек», который однажды, когда на Навуходоносора напали враги, сам выскочил из ножен и начал «без милости сечь».³

«Сказание о царе турском Махмете» Ивана Пересветова, удовлетворяя интересу к одной из восточных стран, в то же время, очевидно, отвечало классовой направленности составителя сборника. Идеализированный у Пересветова турецкий султан Махмет мог импонировать купеческо-мещанским кругам петровского времени как литературный тип правителя-мудреца,

¹ О географических, — в частности к восточным странам, — интересах в петровскую эпоху см.: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, СПб., 1862, гл. XI, стр. 333—362.

² В Московском старопечатном издании 1681 г. см. лл. 28 и сл.

³ Летописи русск. лит. и древн. Н. С. Тихонравова, кн. III, отд. 3, стр. 20—26.

врага рабства и феодально-наследственных привилегий. Султан Махмет в изображении Пересветова пренебрегал родовитостью вельмож, ценя только личные способности и заслуги. Пересветов подчеркивает, что Царьград пал не от чего иного, как от гордости и корыстности вельмож, подчинивших себе последнего византийского царя Константина, и настойчиво советует русскому царю избежать этой опасности.¹ Заметим, что эту повесть составитель сборника поставил на одно из первых мест.²

Общему характеру сборника и собранных в нем произведений, отвечавших в большей или меньшей степени идеологии демократических слоев петровской эпохи, соответствует и помещение в нем известного романа-жития о Петре и Февронии Муромских. Один из позднейших исследователей этого памятника подчеркнул публицистическую его тенденцию, сказавшуюся в резко отрицательном изображении муромских бояр. Боярам с их родовитой спесью здесь противопоставлен иной идеал — дочь крестьянина-бортника и сама ремеслом ткачиха Феврония, достигшая, благодаря уму, трудолюбию и доброй жизни, княжеского достоинства.³

Наконец, общей тенденции сборника не противоречит и помещение в нем повести о гибели развратного — епископа Магдебургского Удона. «Великое Зерцало», откуда выписана эта повесть, вообще поставляло в XVII—XVIII вв. любимое чтение для купеческой, ремесленной и иной, близкой социальной среды.⁴

Ниже мы увидим, что это литературное окружение списка изучаемой нами драмы не случайно, что сама драма является носителем подобных идей и тенденций.

¹ В. Ф. Ржиги. И. С. Пересветов и западная культурно-историческая среда, Изв. ОРЯС АН, т. XVI, 1911, кн. 3, стр. 175; Д. Н. Егоров. Идея турецкой реформации в XVI в., Русь-Мысль, 1907, июль, стр. 10.

² О других случаях заинтересованности в купеческой и мещанской среде петровского времени сказанием Пересветова о турецком султане Махмете, повестью о Вавилонском царстве и т. п. см. сведения, собранные на основании Забелинских сборников в книге П. Н. Сакулина «Русская литература», ч. 2, М., 1929, стр. 30. Ср. о Пересветове там же, ч. I, М., 1928, стр. 162—164.

³ Об этом см. в цитированной выше работе В. Ф. Ржиги «Литературная деятельность Ермолая-Еразма», Лгр., 1926, стр. 183 и сл.

⁴ Так, драма петровского времени о Давиде и Соломоне дошла до нас в рукописном сборнике, составленном почти исключительно из повестей «Великого Зерцала». В этом сборнике (лл. 125 об. и сл.) находится также и повесть об епископе Удоне. «Состав сборника (повести и: «Великого Зерцала»), замечает по этому поводу издатель упомянутой драмы В. Н. Перетц (Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. СПб., 1903, стр. XXIII), самый обычный для читателя низшего круга, к какому, несомненно, следует отнести Семена Миняева, купца третьей гильдии» (владельца и, может быть, составителя сборника. П. П.).

II

Прежде чем приступить к рассмотрению новонайденной драмы по существу, отметим особенности ее списка, а также сообщим сведения об ее стихе, языке и изобразительных средствах — в той мере, в какой это необходимо для хронологического и социального приурочения пьесы.

Изучение пока единственного списка драмы в Житомирском сборнике показывает, что список этот не представляет собою оригинала. Это видно из довольно значительного количества грубых ошибок механического характера, которых не мог бы сделать автор. Так, например, в речи о сроке, назначенном для сдачи Вифулии Олоферну, читаем явно ошибочное «вспять» вместо «в пять» в выражении (здесь нами исправленном):

Вы милости господни і день-часъ положили,
І срочный час воли своей в пять дней назначили.

(185—186).¹

Иногда, спутывая порядок слов в стихе, писец этим грубо нарушает стихотворный размер подлинника. Это видим уже в самом начале драмы где в данном списке читаем:

Изрядное дѣло нынѣ начинаю
Царствию моему і полезно зѣло.

(1—2).

— очевидно, вместо более естественного в отношении стихотворного размера

Изрядное нынѣ начинаю дѣло
Царствию моему і полезно зѣло.

Переписчику сборника, впрочем, тем легче было делать такие перестановки, что он списывал стихотворную речь под ряд, как прозу.²

Иногда несколько расстраивают рифму и простые описки. Например, к рифме: в погубленіи видим пару: в плѣнение, вместо грамматически более правильной и в то же время ритмически соответственной пары: в плѣнении. С такой поправкой это место имеет вполне нормальный вид:

Лучше нам живым быти во Асиріи в плѣнении,
Жены і чада наша зрѣть в погубленіи.

(161—162).

¹ Иные ошибки подобного рода отмечены в подстрочных примечаниях к тексту драмы.

² Всего ошибок такого рода на протяжении целого списка допущено пять (вместе с отмеченным здесь случаем); см. в примечаниях к тексту драмы.

В иных случаях, наоборот, писец, очевидно, механически повторяет ту же самую рифму, например:

Слышим, как пушки громоносныя палат,
Высокие храмы і крѣпкіе дома палат

(175—176).

Второе «палат» здесь, очевидно, поставлено ошибочно вместо: «валат».

Эти и подобные ошибки мы исправляем в тексте, оговаривая их в примечаниях.

*

Подобно большинству драм петровской эпохи новонайденная драма писана стихами. Исключения составляют две вставки иной рукой в конце драмы (лл. 55—56 и 59), а также краткие изложения содержания в начале каждого действия.

Стих драмы — обычный в петровское время — силлабический, но без строго выдержанного размера. Наиболее частым размером является 14-сложный (7+7 или 8+6), но нередко встречаются и иные размеры в 13, 15, 16, 12 и т. д. слогов.

Имея в виду, что наиболее рекомендуемым для театральных пьес стихотворным размером в школьных руководствах поэтики первой четверти XVIII в. считался 13-сложный (напр., в популярном тогда руководстве Ф. Прокоповича: *De arte poetica libri tres*, 1705),¹ — мы можем сказать, что автор не слишком силен был в школьных правилах стиха. Цезура у него часто не совпадает со смысловым членением речи. Для соблюдения рифмы автор иногда прибегает к не совсем подходящим в смысловом отношении словам или допускает натянутую расстановку слов во фразе. Самая рифма хотя и везде соблюдается,² но также не имеет школьной выправки.

В общем, стихотворная структура изучаемого памятника, не отступая от обычной в драмах петровской эпохи, носит следы свободного отношения к образцам высокого виршевого стиля, обращавшимся в тогдашних официальных кругах.

*

Язык драмы также следует считать обычным в петровскую эпоху. Это — в основе славяно-русский книжный язык с небольшим количеством

¹ В позднейшем Могилевском издании см. стр. 155.

² Отмеченные выше нарушения рифмы вследствие перестановки отдельных слов, как чисто механические и легко восстанавливаемые, мы относим на счет неисправности списка.

украинизмов и барбаризмов. Из украинизмов (иногда перемежающихся с полонизмами) укажем: срогих в значении дерзких (стих 26), треба (стихи 91, 361, 579), журби (143), наглый в смысле внезапный (146), справа (240), збирай (347), подаровала (641), гдѣ (=гды?) в смысле когда (515). Изредка встречаются украинизмы фонетические, напр.: обиді (25), сылны (232), во время нужди (265). В морфологии: обету своего не исполняет (255), ради (=рады) бы плату дали (168), отец мой, матери імѣли жити (202) и др. Украинизмы выдают в авторе знакомство с украинской литературной речью того времени. Оно могло быть получено автором как на Украине, так и в России, среди украинцев, которых в петровскую эпоху немало подвизалось на школьном,¹ литературном, театральном и, вообще, культурном фронтах.

Барбаризмов очень немного: пастор, бурмист (лист 39), фундамент (304) персон (160) и почти неизбежная в драмах петровского времени фуртона или фортуна (104, 597).

Соотношение элементов языка драмы подтверждает тот вывод, что она относится к числу драм петровского времени и что автор ее не принадлежал к верхам тогдашнего общества с его обычно испещренным макаронизмами языком.

*

Что касается поэтических средств новонайденной драмы, то они отличаются относительной простотой, достаточной выразительностью, отсутствием длиннот, что особенно заметно при сравнении этой драмы с драмой на ту же тему из театра Грегори. Отметим ряд наиболее часто встречающихся поэтических средств в драме, не претендуя на исчерпывающее их описание:

1. Сравнения: осаждающее Вифулию войско сравнивается с морем (стих 128), Олоферн — со львом (196), обильно пролитая кровь врагов — с водой (211). Весьма характерно сравнение молитвы со стрелой и особенно — с бритвой (228). Некоторые из этих сравнений употребительны в русской устной традиции. Ср. пословицы — «виноватого кровь — вода, а невинного беда», или «денежка — молитва, что острая бритва, все грехи сбреет».² Сравнение любви с действием магнита (398) отзывается либо школой, либо вообще техническими интересами петровской эпохи.

¹ Об этом ниже говорим подробнее.

² И. Иллюстров. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок. Изд. 3, испр. и доп., М., 1915, стр. 271 и 309.

2. Эпитеты характера постоянных нередки: лют меч (188), день-час (185), стыд-поругание (213), крепость-сила (138) и др. Реже сложные эпитеты книжно-искусственного типа: пушки громоносные (175), пчела люботрудная (347) и т. д.

3. Гиперболы — например: в реплике сенатора 3-го царю в явлении 1-м:

И небо будет тебѣ, царю нашему, помогати,
 Како нам на сей глагол совѣту не подати?
 Земля і та будет всѣх врагъ твоихъ пожирати,
 Огнь поपालяти, вода та будет потопляти... (33—36).

4. Нередки единоначатия, иногда совпадающие со смысловым членением речи, напр.:

Придете слышите, мечь нашъ нам днесь не помогаетъ,
 Придите видите, крѣпость-сила ослабѣвает (137—138).

5. Обычны восклицания, напр.:

Ох, увы, что слышимъ се, і что мы видимъ нынѣ,
 Не одолѣемъ, нашъ градъ весь обстоимъ силѣ!

Ох, увы, избранный род в ругателство вѣдутся,
 Мужи і жены под меч ассирскій предаются! (121—124).

Увы, увы, согрешихом, якоже отцы наша... (133).

О, бѣда, лютѣ миѣ, днесь дайте миѣ острый мечъ... (634) и т. п.

6. Риторические вопросы, напр.:

Кто есте вы, іскушаете вышняго бога?... (183).

Како не молитися намъ о твоємъ спасеніи

І како не просити бога о избавленіи?... (344—345).

На вопросах и восклицаниях построен, например, плач евнухов в явлении 10-м, в стиле, напоминающем древне-русские «плачи», отчасти народные похоронные причитания:

Оле, оле, что се бысть, како сотворися,
 Како господинъ славный, увы, умертвися.
 Горе, горе, сей, іже всюду был преславный,
 Ныне поверженъ, труп его всѣмъ людемъ явный.
 Увы, увы, сей во многихъ странахъ прославися,

Безобразно на ложи днесь обезглавися . . . (604—609).

О злая жена, тот ли подарок мнѣ обѣщала,

Которым Оловерна нынѣ ты подаровала,

По тó ль к тебѣ приходил аз, на сие тя призывал,

Ту ли любовь чинити ему аз тебѣ завѣщал,

Той ли подарокъ твой сей, что имъ мене не дарила?

Лучче бы аз смерть приял, нежели сего умертвила

(640—645).

Весьма интересны пословицы, попавшие в реплику Вифульского «воина»:

Аще намъ і злѣ грозятъ, себя-ж болше опасаютъ,

По чюжду главу і дут, свою под мечь припасают,

І в картах на игре, не толко на войнѣ грозят,

А ломаного лука два боятся—такъ говорятъ

(153—156).

Ср. пословицы, известные как в позднейшем народном обращении, так и в пословичных сборниках XVIII в.: «По чужую голову идти, свою наперед нести» или «За неприятельской головой поди, а свою понеси»; «Изломанного лука двое боятся» (т. е. враг и хозяин лука).¹ Пословичный склад речи, кроме того, можно наблюдать и в иных местах пьесы, как отчасти мы это отметили выше, на примере сравнений.

В общем, изобразительные средства рассматриваемой драмы имеют много сходного с таковыми же во многих других пьесах петровского времени. Они выявляют в авторе некоторую склонность к приемам устно-поэтического творчества, а также определенное литературное дарование. Последнее, впрочем, виднее из дальнейшего рассмотрения пьесы в целом.

III

Полное заглавие драмы: «О прѣмудрѣй Іудифѣ, како Оловерну главу отсеке Іудивѣ» — кратко передает ее сюжет. Содержание пьесы и отдельных ее «явлений» таково (далее перечисляем действующих лиц и краткое содержание каждого явления):

Я в л е н и е 1. Действуют: Ассирийский царь Навуходносор и четыре сенатора, по именам не названные и лишь нумеруемые: Сонатарь а̄,

¹ И. Иллюстров, цит. соч., стр. 103.

Сонатарь в̄, Сонатарь г̄ и Сонатарь д̄. Царь советуется с сенаторами о войне с неуважившим его (ясно в пьесе не показано, чем именно) пограничным иудейским городом Вифулией. Совет царя с сенаторами кончается тем, что царь назначает главным «воеводой» над ассирийским войском Олоферна и дарует ему свой меч.

Явление 2-е. Действующие лица: Олоферн и Ахиор. Происходит их объяснение из-за сочувственного отношения к иудеям Ахиора. Действие кончается изгнанием последнего в осажденную Вифулию.

Явление 3-е. Действующие лица: Иудифь, «градодержавный» Вифулии Иосия, «Пастор», «Воин» и «Бурмист». Изображается смятение в Вифулии вследствие осады города. Военный совет. Намерение сдать город через пять дней. Иудифь впервые высказывает решимость умертвить Олоферна.

Явление 4-е. Действующие лица: Иудифь, Ангел и Бес. Ангел одобряет Иудифь в ее намерении, вручает ей меч и ветвь, символы победы и мира. По уходе Иудифи — «прение» из-за неё Ангела с Бесом.

Явление 5-е. Действующие лица: Иудифь, Иосия, Ахиор, «рабыня» Иудифи — Абра. Изображаются проводы Иудифи в лагерь ассириян.

Явление 6-е. Действуют: Иудифь, Олоферн «с войны своими» и «Евнух» Олофернов Вагав или Вагаф. Иудифь появляется перед Олоферном. Первая их беседа. Сомнения и предостережения относительно Иудифи верного слуги Олофернова Вагава. Зарождение любовной страсти у Олоферна к Иудифи.

Явление 7-е. Действуют: Олоферн и Вагав. «Прение» их об Иудифи, о любви, о женском коварстве. Олоферн все-таки настаивает на своем и приказывает Вагаву привести ночью Иудифь к нему в «ложницу».

Явление 8-е. Действуют: Иудифь и Вагав. Последний зовет Иудифь к Олоферну в «ложницу». Она изъявляет согласие.

Явление 9-е. Действуют: Иудифь и Олоферн. Их пир и любовное объяснение.

Явление 10-е. Действуют: два Евнуха, 1-й и 2-й. Плач их над телом обезглавленного Олоферна.

Явление 11-е (не сохранившееся). От него уцелела лишь обычная (как в начале всех других явлений) вступительная ремарка с указанием на участие в нем: Иудифи, «имущей на мече главу Олофернову», Ахиора и Иосии. Самый текст этого явления был вырезан. По уцелевшим концам строк видно, что текст этот существовал и был писан той же рукой, что и вся пьеса. Взамен уничтоженного текста иной современной или близкой

по времени рукой, — возможно, рукой одного из читателей, не удовлетворенного отдалившимся от библии изложением развязки драмы (что видно из уцелевшей ремарки: в библии нигде не сказано об Иудифи «имущей на мече голову Олофернову»), — вставлено изложенное прозой повествование об обстоятельствах окончательного поражения ассириян иудеями и о торжестве Иудифи.

Подобную вставку та же рука сделала несколько раньше, при изложении после 9-го явления обстоятельств отсечения головы спящему и пьяному Олоферну, а также о выходе Иудифи и ее служанки Абры с головою Олоферна из ассирийского лагеря в Вифулию; о выставлении головы Олоферна с восходом солнца на городской стене; о внезапном нападении иудеев на лагерь ассириян и обнаружении обезглавленного Олоферна на его постели.

Возможно, что пьеса первоначально имела и больше, чем одиннадцать, явлений. Введенные, очевидно, взамен удаленных явлений, изложенные прозой повествовательные тексты считаем позднейшими вставками, не имеющими непосредственного отношения к составу драмы, как таковой. Поэтому ниже, при издании текста драмы, передаем эти вставки другим (мелким) шрифтом.

IV

Драматические произведения на библейский сюжет об Иудифи известны были и раньше. С этим сюжетом были связаны первые шаги на пути знакомства русских с театральным искусством. Еще в 1635 г. театральное представление на эту тему наблюдал при дворе польского короля тогдашний русский посол в Польше князь А. М. Львов-Ярославский: «Былъ, пишет он, у короля на потѣхѣ, а потѣха была, какъ приходилъ къ Іерусалиму (sic!) ассирійскаго царя воевода Алафернъ и какъ Юдифъ спасла Іерусалимъ».¹

Когда в 1672 г. при дворе царя Алексея Михайловича, в селе Преображенском под Москвою, был организован немецким пастором Грегори старейший в России театр, то одной из первых поставленных здесь пьес шла «Иудифь» (в конце 1674 г., быть может, и в 1673).² Текст этой пьесы сохранился в русском переводе и был издан Н. С. Тихонравовым.³

¹ Соловьев. История России, т. IX, стр. 248; П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия, СПб., 1889, стр. 28.

² П. О. Морозов, цит. соч., стр. 137; ср. стр. 148—149.

³ Н. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. I, СПб., 1874, стр. 76—203.

По характеру своему эта старшая пьеса об Иудифи родственна особому виду западноевропейской драматической литературы XVI—XVII вв., так наз. «английским комедиям». Эта разновидность драмы, как известно, отличается: эпичностью действия, контрастным чередованием трагического и комического элементов путем введения параллельных основному действию комических сцен, примитивной мотивировкой действий героев, обилием второстепенных действующих лиц, сложностью структуры, изложением в прозе, с употреблением стихотворного размера лишь во вставляемых время от времени «песнях» (ариях и хорах).¹

Возникает вопрос, в каком отношении находятся между собою две пьесы, разработавшие для старейшей русской сцены один и тот же сюжет, — пьеса из театра Грегори и другая, нами найденная.

Сравнение обеих пьес показывает, что автор новой пьесы пользовался как своим источником драмой на ту же тему из театра Грегори. За это говорит ряд деталей, которых нет в первоисточнике обеих пьес — библейской «Книге Иудифъ» (напр., наименование «рабыни» Иудифи Аброй), а также ряд мест, в которых наша пьеса ближе к пьесе театра Грегори, чем к первоисточнику обеих — библейскому тексту.

Для иллюстрации приведем несколько примеров.

В пьесе из театра Грегори реплика Иудифи к правителям Вифулли по вопросу о сдаче города звучит так: «Увы мнѣ! *Кто бо есте вы, иже искушаете господа бога? Нѣсть сіе слово, иже милость призоветъ, но наипаче ярость возбудитъ. Хотите ли вы къ воли вашей милости господней время и день положить*, когда ему намъ помощи дать?»²

В нашей пьесе этому соответствует:

Кто есте вы, искушаете вышнего бога,

За то немилость і ярость возжется многа.

Вы милости господни і день часъ положили,

И срочный час воли своей в пять дней назначили (стихи 183—186).

¹ Об «Иудифи» театра Грегори: Н. С. Тихонравов. Первое пятидесятилетие русского театра. Соч. Тихонравова, т. II, М., 1898, стр. 97, 103—105; П. О. Морозов. История русского театра..., стр. 139, 148—149, 154—158; В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Театр при Алексее Михайловиче. История русского театра, под ред. В. В. Каллаша и Н. Е. Эфроса, т. I, М., 1914, стр. 53—68; С. К. Богоявленский. Московский театр при царях Алексее и Петре I. Чтения в Общ. ист. и древн. росс. при Моск. унив., 1914, кн. 2 (249), стр. XXI—192 (архивные материалы); В. Н. Перетц. Театр в Московской России 250 лет тому назад. Старинный театр в России XVII—XVIII вв. Сборник статей, Пб., 1923, стр. 36—49, и в других работах.

² Тихонравов. Русск. драм. произв., I, стр. 153.

Другой пример — реплика Олоферна к Иудифи при первом их свидании. В пьесе, игральной в 1673—1674 г., читаем:

*«Сисера и Мосолломъ! Воздвигнете ее. Возбудися, красная жена, и радостна буди душею, и не ужаснися въ сердца твоемъ».*¹

В новой пьесе этому соответствует следующее:

Радостна будь душею, в сердца не ужасайся (стих 370).

Еще пример. В диалоге между Иудифью и евнухом Вагавом, приглашающим ее в «ложницу» Олофернову, в старшей пьесе читаем:

Ва г а в.

Господинъ мой ты вящи всѣхъ почитаетъ, тѣмъже, прекрасная госпожа, не возбраняйся къ столу господина моего прити, да яси, пиши и возвеселишися: красота бо твоя и милость Олофернова васъ обоихъ благополучными сотворити можетъ.

І ю д и ф ъ.

*Како ми сиевому великому господину отказати? Вся, яже благоволятъ сотворити, усердствую даже до скончанія живота моего.*²

Этому месту в позднейшей драме соответствует:

Ва г а в.

Не усрамися, благая отроковице, впити
І пред лицомъ господина нынѣ быти.
І будеши с ним пред лицомъ его в чести велии,
І ясти с ним, і пиши добръ вино в веселии.

І ю д и ф ъ.

*Кая есмь, да противлюся господину моему,
Сотворю все, еже будетъ благоугодно ему.
А еже что есть любимо от менѣ — воля его,
То і мнѣ приятно будетъ во дни живота моего* (стихи 538—545).

Должно, впрочем, отметить, что таких близких в текстуальном отношении совпадений совсем немного, и что младшая драма свободно опери-

¹ Там же, I, 176.

² Там же, I, 190.

рует с материалом библии и старшей драмы. Она вносит в ход действия: I. Сокращения, II. Добавления и III. Изменения.

В самом деле, сравнивая обе драмы, находим следующее:

I. Новая драма, передавая известный библейский сюжет, в общем довольно полно и цельно, в то же время сильно сокращает действие: она в 10 раз короче драмы-предшественницы.¹

Такого сокращения новая драма достигает благодаря:

а) Освобождению от ненужных длиннот, слишком обильных риторических украшений и излишних подробностей.

б) Удалению второстепенных действующих лиц. Так, вместо 63 «персон», действующих в «Иудифи» театра Грегори,² тут выступают только 16, а именно: Царь Навуходоносор, три «Сонатара», Олоферн (он же, как видно, и 4-й «Сонатарь»), Ахиор, Иосия, «Пастор», «Воин», «Бурмистр» (последний без реплик), Иудифь, Ангел, Бес, «рабыня» Абра, «Евнух» Вагав и еще один «Евнух». Указания на массовые сцены встречаем лишь в двух случаях: в явлении 2-м («являетца Олофернь со Ахиоромъ і со *множеством вой оруженных* . . .») и в 6-м («является Олофернь с войны своими . . .»). В обоих случаях, очевидно, требовались статисты для изображения солдат.

в) Исключению всех параллельных комических действий, имевшихся в старшей драме.

г) Исключению «песен» (арий и хоров).

д) Отсутствию пролога («предисловия»).

Благодаря такому сокращению действие новой пьесы развивается быстрее, стремительнее, и вся она выигрывает в смысле большей сценичности.

II. При общей тенденции к сокращению, автор новой пьесы, однако, и дополняет схему действия новыми сценами. Таковыми являются следующие три:

а) Явление ангела Иудифи для одобрения ее.

б) «Превие» ангела с бесом о замысле Иудифи.

в) «Плач»-диалог двух евнухов над телом обезглавленного Олоферна.

Первые две сцены составляют явление 4-е, третья — явление 10-е. Соответствия этим трем сценам нет в русском переводе пьесы на этот сюжет из театра Грегори, а равно и в библейской «Книге Иудифь».

¹ В найденном списке новой пьесы всего 665 стихов. Старшая же «Иудифь» занимает в издании Тихонравова 128 страниц печатного текста, т. е. 8 печатных листов.

² По исчислению. П. О. Морозова в «Истории русск. театра . . .», стр. 148.

III. На ряду с сокращениями и дополнениями автор вносит также ряд изменений в разработку сюжета сравнительно со старшей пьесой. Так, начальная сцена совещания Навуходопосора с советниками в новой пьесе происходит в присутствии Олоферна, причем в этой же сцене ему вручается главнокомандование и его символ — царский меч. В старшей пьесе этот последний акт происходит в отдельной «сени»,¹ а Олоферн не присутствует на первом совете царя. Это изменение сделано, вероятно, для сокращения пьесы и для внесения в ее завязку большей четкости и цельности.

Далее, в пьесе XVIII в. вельможа Ахиор возражает по поводу осады Вифулии — только Олоферну, в то время как в старшей пьесе XVII в. — Навуходоносору («I дѣйства, сѣнь 3») и Олоферну («III действия, сѣнь 2»). Этим также достигается сжатие и упрощение действия.

Эпизодическая особа «пастора» вводится в новой пьесе вместо «архіерея Іоакима» пьесы театра Грегори² и «Іоакима іерея великого» — библейского сказания. Роль,³ отведенная духовной особе, в позднейшей пьесе несравненно бледнее, ничтожнее, чем в обоих ее источниках. В пьесе петровского времени «пастор» лишь беспомощно плачется о судьбе храма, обстрелянного неприятелем, в то время как в обоих источниках пьесы «архіерей Іоаким» — высшее лицо теократической Вифулии: он организует оборону города, предписывает собирать запасы, нужные для войны, пишет послания об укреплении пределов всей Иудеи и т. п.⁴ Думаем, что это изменение в трактовке высшего представителя духовенства не случайно в пьесе, возникшей, судя по всем данным, в петровскую эпоху с ее отменой патриаршества и ограничением теократических стремлений духовенства.

Евнух Вагав обрисован в новой драме также иначе. В то время как в старшей драме театра Грегори он — корыстный слуга, отношения которого с Олоферном построены на подарках, — персонаж с утрированно-комическим оттенком (ср. сцену, где Олоферн сулит Вагаву сапоги и саблю в награду за то, что он приведет Иудифь к нему на «вечерю»),⁵ в новой пьесе Вагав — слуга, уважающий себя, предусмотрительный и осторожный, берущий на себя инициативу и смелость предупредить Олоферна о возможности коварства со стороны женщины (явление 6-е), остро из-за этого пре-

¹ См. «I дѣйства, сѣнь 3».

² Н. Тихонравов. Рус. драм. произв., I, 109: «II дѣйства, сѣнь 1»; ср. «III дѣйства, сѣнь 1».

³ Книга Иудифь, гл. IV, стих 6.

⁴ Н. Тихонравов. Рус. драм. произв., I, 95—96, 109.

⁵ Там же, I, 147—148 («VII дѣйства, сѣнь 1»); ср. I, 191 («VII дѣйства, сѣнь 3»).

прающийся с господином (явление 7-е), наконец, выражающий по смерти Олоферна свое горе в «плаче» над его телом (явление 10-е).

Подобная перестройка коснулась и характера «рабыни» Абры. Она и в нашей пьесе рекомендуется как женщина «малодушная»,¹ но без элемента комически-презрительной утрировки этого типа, свойственной старшей пьесе.

Сама Иудифь изображена здесь как новый, неизвестный феодальной России, тип женщины с резко выраженными чертами индивидуализма, семейной и общественной независимости, бывалости, знания людей.

Хотя по ходу новой пьесы, изложенной очень сжато, Иудифь слишком внезапно появляется перед Олоферном (между 5-м и 6-м явлениями довольно ошутителен пропуск сцен, изображающих переход Иудифи в лагерь врагов), — самое свидание Иудифи с Олоферном здесь разработано и мотивировано в психологическом отношении обстоятельнее, чем в пространной пьесе старшей. Чувствуется уже интерес к «земной» любви как таковой, к осмыслению ее утех (см. начало 7-го явления), опасностей (в том же «явлении» стихи 480 и сл.), сложных ее силетений (там же, стихи 494 и сл.). Оттеняется искренность захватившей Олоферна любовной страсти (явление 6-е, стихи 434—437; явление 7, стихи 465—469 и др.).

Эта черта новой драмы — более жизненная обрисовка характеров, усиление внутренней мотивировки в действиях героев — выгодно выделяет ее в сравнении с так наз. «английскими комедиями», в том числе с принадлежащей к ним по типу старшей пьесой на тему об Иудифи. «Бедные раскрытием внутреннего мира человека, так наз. „английские комедии“, говорит Н. С. Тихонравов, часто представляют скорее разбитый на монологи рассказ, нежели строго драматическое произведение. Действующие лица движутся в них как куклы, безучастно отдаваясь ходу изображаемых на сцене событий и произнося точно на театре марионеток свои длинные речи».²

В большей драматизации и психологизации — особенность драматических произведений так наз. петровской эпохи. Мир ощущений и душевных движений начинал занимать уже и сам по себе. Грубые сценические эффекты и установка на внешнюю оболочку действия теперь отодвигаются, обнажая основные узлы сюжета. Тут мы присутствуем при первых, пока еще робких шагах старинного русского театра на пути его к реализму.

¹ Рекомендация Иудифи в явлении 6-м, стихе 433.

² Н. С. Тихонравов. Первое пятидесятилетие русского театра. Соч., т. II. М., 1898, стр. 102.

На ряду с этим наблюдаем интересное противоречие между начатками нового индивидуалистического понимания мира чувства, в частности чувства любви, — и старым, унаследованным от средневековой эпохи, позагавшим движущую причину чувств и действий людей во внушении духов доброго и злого. В нашей драме это старое начало сказалось во вставке 4-го явления, содержащего традиционный в древней литературе, особенно агиографической, мотив вмешательства в действия и чувства людей ангелов и бесов. Так, представитель «доброего» начала ангел побуждает Иудифу идти в лагерь Олоферна и ведет из-за нее «прение» с представителем «злого» начала — бесом, который, наоборот, будет «помогати всяко» Олоферну и разжигать в нем любовную страсть к Иудифе для посрамления последней. Подобно тому как в одной из «купеческих» повестей XVII в. бес внушил молодой жене Бажена страсть к купеческому сыну Савве Грудцыну, — здесь тот же бес внушает Олоферну страсть к Иудифе. Налицо интерес к любви как «земному» чувству, но нет еще ее признания и тем более — той ее идеализации (с чертами сентиментализма), которую наблюдаем в иных литературных произведениях петровского и особенно последующего времени.

Как видим, на ряду с нарождающимся новым пониманием мира чувств и человеческих действий, в тогдашней литературе жило еще и старое их понимание. Противоречивое сосуществование старого и нового, иной раз в одном и том же произведении (как это видно в нашей пьесе), отражает классовые сдвиги и антагонизмы «переходной» эпохи начала XVIII в. и представляет собой интересное стилевое явление.

Как произведение драматического искусства, новонайденная пьеса отличается также переходным характером, не укладывающимся целиком ни в один из известных нам типов старой драмы. Оттолкнувшись, как мы видели, от «английского» типа удалением напыщенного пафоса, грубокомических эпизодов, отсутствием нагромождения вокруг центрального события — ядра пьесы — множества действующих лиц и второстепенных эпизодов, ликвидацией сложной двухступенной системы построения драмы в «действиях» и «сценах», заменой прозаического изложения стихотворным, эпичности сценичностью, — новая драма на тему об «Иудифе» не может быть целиком причислена и к распространенному в петровскую эпоху типу драм «школьных». В ней нет обычных в «школьной» драме нравочений, отвлеченно-аллегорических олицетворений, пролога, антипролога и эпилога. Имеются лишь некоторые отдельные черты, сближающие нашу драму со школьной: изложение в силлабических стихах, одностепенное деление ее только на «явления», краткие вступительные ремарки перед началом каждого

действия, ряд формул и сцен, встречающихся также в школьном театре, но они, в общем, не дают сколько-нибудь выдержанного типа именно «школьной» драмы.¹

На ряду с промежуточностью типа нашей драмы, обращает на себя внимание упрощенность ее структуры. Вся она построена с расчетом на ограниченные сценические возможности как относительно количества действующих лиц (всего 16 без статистов, вместо 63 старшей драмы, о чем выше уже была речь), так и относительно нечастой смены места действия. На протяжении всей пьесы место действия сменяется всего три раза. Мы в драме имеем такие места действия: палата царя Навуходоносора (явления 1 и 2), осажденный город Вифулия (явления 3, 4 и 5), лагерь ассирийского войска (явления 6, 7 и 8) и Олофернова «ложница» (явления 9 и 10).

Огмеченные выше особенности новой драмы: язык, почти свободный от варваризмов, стих невыдержанный со школьной точки зрения, но довольно легкий для запоминания, произношения и слушания, вставка ряда народных пословиц, свободное отношение к старшей «Иудифи», использование популярных мотивов в старом привычном стиле («прение», «плач»), намеки на реалистическое осмысление персонажей, промежуточный упрощенный тип построения самой драмы, — все это дает, на наш взгляд, право утверждать, что: 1) «Иудифь» житомирского сборника — не простой лишь пересказ и тем более не перевод какой-либо старшей драмы на этот сюжет, а более или менее самостоятельное произведение, не чуждое черт русской жизни и литературы петровской эпохи; 2) эта драма отражает дальнейшую ступень освоения драматического искусства на русской почве, сравнительно с драмой из театра Грегори на тот же сюжет; 3) она возникла не в высшей привилегированной, а в какой-то нижней среде и предназначена была для какого-то скромного по техническим возможностям театра.

К какой же именно среде русского общества петровской эпохи надо отнести возникновение и обращение новонайденной драмы, каково ее отношение к жизни и классовой борьбе своего времени, какой театр мог в то время ставить подобные пьесы? Ответить с исчерпывающей полнотой и точностью на эти первостепенные вопросы, за скудостью данных и неизученностью драматической литературы XVIII в. в классовом аспекте в настоящее время не представляется делом легко осуществимым.

¹ Ряд пьес такого же переходного характера, относящихся также к петровской эпохе, издан в книге «Старинные действа и комедии петровского времени, извлеченные из рукописей и приготовленные к печати И. А. Шляпкиным», П., 1921 (Сборн. ОРЯС РАН, т. ХСVII, № 1).

V

Помимо данных, выводимых путем анализа стиля пьесы, мы должны посмотреть, нет ли в тексте пьесы каких-либо хотя бы косвенных намеков на современность. Такие намеки, на наш взгляд, есть в явлении 3-м, изображающем безнадежное положение осажденной Вифулии. Выискивая средства спасения города, «Воин» говорит:

*В нашей ратуше злыо много сребра і злата,
Но толко сдина мочь, сила наша отята,
Понеже от враговъ намъ і то не помогает,
Ради бы плату дали, ништо не обороняет,
Ізыти нанять силы — не имъемъ свободы,
Облегли бо нас крѣпко асирскіе народы (стихи 165—170).*

В этой реплике, достойной скорее купца, чем «воина» — о могуществе «сребра и злата», которое, однако, в условиях военной осады оказывается недействительным; о том, что попытка пустить в ход эту «единую мочь-силу» горожан, чтобы «нанять силы», неосуществима вследствие осады города «воеводой» Олоферном, есть уже известный оттенок купеческой психологии. Любопытно также упоминание о «ратуше» как центральном месте хранения денежных средств города. В том же 3-м явлении в числе действующих лиц, — участников военного совета осажденного города, присутствует (правда, без речей) «бурмист»¹ рядом с «градодержавным Иосней», «пастором» и «воином».

Петровская эпоха была, как известно, временем быстрого возвышения, но затем вскоре падения общественного веса и значения тогдашней торговой буржуазии.

Фактов отражения в пьесах петровской эпохи тогдашней действительности известно достаточно. Но эти факты дворянско-помещичьей и буржуазной наукой подбирались и освещались односторонне. В тех (немногих) случаях, когда эта наука, выходя из рамок чистого формализма, трактовала о связи драм петровской эпохи с тогдашней современностью, она уделяла подавляющее, едва ли не исключительное, внимание роли господствовавшей верхушки, в частности роли самого Петра I, который побуждал театр своего времени писать и ставить пьесы, оправдывавшие его действия,

¹ Относительно «бурмиста» надобно, впрочем, иметь в виду, что эту должность упоминает и старшая драма об Иудифи (Н. Тихонравов. Рус. драм. произв., т. I, стр. 169).

ополчавшиеся против его «внутренних» и «внешних» врагов.¹ Но меньше всего обращало на себя внимание то обстоятельство, что театральное искусство нового, занесенного в XVII в. из Западной Европы, типа могли использовать и использовали в своих классовых целях также и представители непривилегированных средних слоев и демократических низов тогдашнего общества, — в меру того, как определялось их классовое сознание и как они все более овладевали техникой этого искусства.

Уже с самого начала театра в России видное место в его осуществлении принадлежало мещанско-посадским и разночинным элементам. В свое время автор «Истории русского театра» П. О. Морозов,² вслед за И. Е. Забелиным, должен был констатировать, что зрелища уже первого в России театра Грегори, занимавшие в 70-х годах XVII в. в с. Преображенском под Москвой тогдашнюю придворную верхушку, «не могли пройти бесследно для народа, по крайней мере — для московского общества, в низменных (sic!) его слоях, откуда, по большей части, выбирались актеры и статисты для царских комедий».³

В свете более поздних архивных разысканий С. К. Богоявленского выяснилось, что первыми актерами труппы Грегори были дети торговых и служилых иноземцев из Немецкой слободы.⁴ Одновременно обучались немцами и русские актеры из «мещавских детей».⁵

Сохранились данные о том, что для первого представления «Иудифи» (старшей) в ноябре 1674 г. в с. Преображенское привозили 48 человек «комеднантов» мещанских детей и 36 человек иноземческих детей.⁶

При первом представлении старшей «Иудифи» в с. Преображенском оркестр состоял из дворовых людей боярина Матвеева, обученных музыке немцами.⁷ Кроме актеров и музыкантов над созданием первого в России театра трудились живописцы, столяры, портные, кузнецы и другие мастера, набранные из мещан и крепостных.

¹ Яркие примеры этого см., напр., в драмах, истолкованных Г. П. Георгиевским в статье «Две драмы Петровского времени». Известия отд. рус. языка и слов. ИАН, т. X, 1905, кн. 1, стр. 185 и сл.

² П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII ст., СПб., 1889, стр. 192—193.

³ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царств в XVI и XVII ст., изд. 2-е, М., 1872, стр. 490.

⁴ С. К. Богоявленский. Московский театр при царях Алексее и Петре I (1672—1708 гг.). Чтения в общ. ист. и древн. Росс., 1914, кн. 2 (249), стр. V—VI.

⁵ Там же, стр. VI и др.; ср. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I., СПб., 1862, стр. 393.

⁶ С. К. Богоявленский, цит. соч., стр. X.

⁷ П. Пекарский, цит. соч., стр. 392.

В 1702 г., при основании первого в России общедоступного театра («комедиальной храмины») на Красной площади в Москве, актерами были выходцы из знакомой уже нам Ратуши, из разных приказов, а также из числа посадских людей.¹ Из Московской Ратуши взят был, между прочим, Семен Смирнов, бывший не только актером, но и переводчиком (а, может быть, и переделывателем на русские нравы?) двух, к сожалению, не дошедших до нас комедий, находившихся в мае 1709 г. в посольском приказе: «О Тенере, Лизеттине отце, виноторговце» и «О Тонвуртине, старом шляхтиче зъ дочерью».²

— Когда «комедиальная храмина» вскоре прекратила свое существование, продолжительное время³ действовал в Москве на Язуе при главном госпитале театр, в котором давали представления ученики хирургической при госпитале школы, набравшиеся в значительной части из лучших учеников Московской славяно-латинской академии,⁴ преимущественно из детей разночинцев.⁵

Но и независимо от госпитального театра, студенты Московской академии, в компании с приказными служителями, на святках и на маслянице давали любительские публичные представления, пользуясь для этого каким-нибудь сараем, в самой незатейливой обстановке.⁶ К этому могла побуждать академических студентов материальная необеспеченность, особенно выходцев из низших слоев общества.⁷

¹ П. О. Морозов, цит. соч., стр. 204, 261—263; ср. Пекарский, цит. соч., I, 423.

² П. О. Морозов, цит. соч., стр. 264. О Семене Смирнове еще стр. 204, 228, 267.

³ Повидимому, во все время управления госпиталем и хирургической при нем школой доктора Николая Бидло (1706—1736). Театр при госпитале, повидимому, был самым долголетним из числа первых русских театров.

⁴ С. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855, стр. 243—244.

⁵ Историк Московской академии С. Смирнов (там же, стр. 107) отмечает, что в ней учились, кроме детей «градских лучших приказных людей и дворян», также и «польяцкие, канцелярские, дяльческие (дячковские? П. П.), солдатские и коноховы дети». Не имея возможности остановить регулярный уход лучших студентов в хирургическую госпитальную школу по причине «довольнѣйшаго, честнѣйшаго в госпитали, нежели в академіи, ученическаго состоянія и содержанія», — академическое начальство старалось задерживать в академіи учеников лишь из среды духовенства (стр. 180, 239—240).

⁶ «Историческое известие о российском театре. (Из исторических записок А. М[алиновского].)» Северный архив, 1822, часть IV, № 21 (ноябрь), стр. 185.

⁷ Касаясь вопроса о бегстве студентов академии на разные службы и работы, в Московскую типографию, в Монетную контору, в разные приказы, или же просто для добывания себе пропитания разными способами, почти современный нашей пьесе документ рисует это положение таким образом: «мнози же (студенты. П. П.) бѣгают, которыхъ и сыскать невозможно... а искоміи укрываются, а отъ другихъ вопрошены, для чего бѣгають, говорятъ, и скаать де хлѣба и мѣста за времени...» С. Смирнов, цит. соч., стр. 243.

Здесь мы подошли к наиболее интересующему нас в данном случае моменту. Не лишено вероятности, что младшая «Иудифь» составлена и, возможно, поставлена была в подобной разночинной среде, в любительских кружках, группировавшихся вокруг славяно-греко-латинской академии и госпитальной школы, кружках, составлявшихся как из настоящих и бывших студентов, преимущественно разночинцев, так и из разных других городских низовых элементов.¹ Лишь при таком допущении удовлетворительно объясняются: и относительная упрощенность построения языка и стиля младшей «Иудифи»; и ее бойкий, хотя и недостаточно выдержанный стих; и примесь украинских элементов в языке (известно, что среди персонала и студентов Московской славяно-греко-латинской академии петровского времени немало было украинцев);² и, наконец, социальная тенденция пьесы.

Спустившись в гущу тогдашней рядовой городской массы, опираясь в своем существовании не на помощь казны или высокостоящих особ (подобно предшествующим театрам), а исключительно на свою популярность и успех у публики, в том числе успех материальный («мы бо ныне почтимся вам на дейсти показати, вы же изволте нас златом награждати» — кончает свой «предлог», т. е. пролог, одна из пьес, которую мы склонны отнести также к этой среде);³ не порвав еще всех связей своих со школой, — этот

¹ Известный знаток старой Москвы и историк русского быта И. Е. Забелин, указывая на существование в Москве рядом с дворянской также интеллигенции «посадской, слободской или в собственном смысле городской», считает, что «руководителями и передовиками этой интеллигенции являлись грамотные люди, больше всего из отставных или неокончивших науки школьников славяно-греко-латинской академии, особенно в лице приказных...» К ним примыкали грамотные дворовые люди. «Канцеляристы, кописты, даже стряпчие, заодно с дворовыми людьми, с великим усердием занимались лицедейством». И. Е. Забелин. Из хроники общественной жизни в Москве в XVIII стол. Сборник общества любителей росс. словесности на 1891 год, стр. 557 и 560.

² С. Смирнов в своей «История Московской славяно-греко-латинской академии» приводит данные, из которых видно, что не только многие ректора и префекты (стр. 193 и сл.), но и рядовые преподаватели, в том числе преподаватели грамматики, пиитики и риторики (стр. 215 и сл.), в петровское время были из числа воспитанников Киевской академии, украинские уроженцы. «Есть основание думать, говорит автор, что для ускорения образования Киевские наставники привезли с собой в Москву даже подготовленных учеников из Киева» (стр. 81). Здесь, кажется, объяснение того обстоятельства, что язык многих пьес петровской эпохи (даже и не так наз. «школьного» типа) в большей или меньшей степени отмечен украинизмами.

³ Имеем в виду драму: «История о царе Давиде и царе Соломоне» (текст в «Памятниках русской драмы эпохи Петра Великого», изданных В. Н. Перетцем, СПб., 1903). Приведенное место см. на стр. 458. Едва ли может быть сомнение в том, что пьеса эта (основанная, между прочим, на библейском повествовании — первых двух главах III книги Царств), представляя на сцене лишение царем Давидом престола старшего сына, казнь последнего и его сообщников, «воеводы» и «патриарха», восторжествовавшим младшим братом Соломоном — отражает ожесточенную борьбу партий в связи с ультрареакционной позицией части родовитого русского боярства и высшего духовенства, а, может быть, и в связи с делом царевича Алексея. Впрочем это предполагаем подвергнуть специальной разработке.

«малоразумный театр» (по скромному выражению другой пьесы, относимой нами к подобной же среде, о чем ниже), естественно, должен был отразить социальные устремления своей публики (рядового купечества, мещанства), втянуться вместе с ней в водоворот тогдашней жизни и борьбы.

Не имея сил для создания более ярких, вполне оригинальных драматических произведений, этот любительский театр петровского (и последующего) времени составлял свой репертуар главным образом из переработок библии, светских повестей или старых пьес (как в случае с нашей «Иудифью»), но таких переработок, в которых порой пробивались отголоски современной жизни и классовой борьбы, быть может, малоприметные на иной взыскательный взгляд, однако, ценные для изучения истоков русского театра в новом разрезе.

Возвращаясь к нашей драме, мы задаем себе вопрос: как воспринималась в свое время идея сюжета об Иудифе? Она воспринималась в XVII—XVIII вв. как пример «посрамления гордыни и торжества невинно-угнетенных» («бог гордым противится, смиренным же дает благодать»). Так именно формулировала свою основную идею старшая «Иудифь» театра Грегори,¹ так обычно определяли ее и ученые исследователи истории русского театра.²

В старшей пьесе мысль эта применена была к обстоятельствам внешней политики — войны России с Турцией.³ С подобной же целью старшую «Иудифь» снова пустили в ход при Петре I, приспособив ее к обстоятельствам войны России со Швецией, обновив ее по этому поводу рядом вставок, удалением комических эпизодов, новым разделением на «явления» и прибавкой особого пролога.⁴ И если, несмотря на существование этой переделки старшей «Иудифи», почти в одно и то же время, на тот же сюжет все-таки возникает другая столь непохожая на старшую по общему характеру и стилю пьеса, — это, нам кажется, свидетельствует о том, что к данному сюжету проявила интерес иная социальная среда и в ином, чем раньше, аспекте.

В новой драме об Иудифе видим ту же основную идею — о наказании гордых и возвышении угнетенных, но без ощутительных намеков на приме-

¹ П. Тихонравов, Рус. драм. произв., I, стр. 202—203.

² Приведенная выше формулировка основной идеи драмы об Иудифе принадлежит П. О. Морозову, История русского театра..., стр. 154, 167; ср. то же у И. Е. Забелина, Домашний быт русских цариц в XVI и XVII стол., изд. 2-е, М., 1872, стр. 493.

³ Это видно из пролога, обращенного к царю Алексею Михайловичу. Тихонравов. Рус. драм. произв., I, 76—77; ср. Морозов, цит. соч., стр. 148, 156—157.

⁴ С. Щеглова. Новый список драмы «Юдифь». Юбилейный збірник на пошану ак. М. С. Грушевського. Частина історично-літературна, Київ, 1928, стр. 235—244.

нение ее к тогдашним военным и, вообще, внешнеполитическим обстоятельствам. Под гордыми, которых ждет в конце концов унижение, по смыслу и ходу новой пьесы легко можно разуместь доморощенных гордецов: воевод («воевода» — сам Олоферн), бояр (из «бояр» состоит свита Навуходпосора), «сенаторов» (см. явление 1-е), «вельмож» (в стихе 7-м). Все это — намеки на военно-феодальные чины петровского времени. Военному лагерю противопоставлен библейский город, изображенный также достаточно прозрачно, на модернизированный лад. Не случайно в нем фигурирует и ратуша, это, «чисто классовое купеческое всероссийское учреждение»,¹ к падению которого тогдашние купеческие и, вообще, бюргерские круги не могли быть равнодушны.

VI

Среди драматического наследия, дошедшего от петровской эпохи, описываемая нами драма в смысле ее социальной зарядки, как и следовало ожидать, не стоит одиноко. Как драму по ее тенденции также бюргерско-купеческую, мы должны отметить еще одну — драму о царице и львице. К сожалению, издательница этой пьесы² надлежащим образом не оценила важнейшей ее особенности — классовой ее функции. С этой стороны остались недораскрытыми замечательные 9-е и 10-е явления упомянутой драмы, где изображается прием царем и его «сенаторами» купцов, привезших львицу.

Здесь неизвестный автор драмы, заостряя свою мысль против давления на купечество тогдашнего податного режима и против конкуренции купечеству со стороны царского двора и дворянства, выводит на сцену тип царя, наиболее желательного и удобного для торгового класса. Это — царь, который считает для себя зазорным брать с купцов дань, разрешает им торговать беспощинно, уважает и ценит рискованную³ и «трудную»⁴ про-

¹ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, I—II части, 8-е изд., Гиз., М.—Л., 1929, стр. 95. Подчеркнуто нами.

² С. А. Щглова. Неизвестная драма петровской эпохи о царице и львице. Труды Комиссии по древнерусской литературе, I, Лгр., 1932, стр. 153—229.

³ Об этом гласит, между прочим, пролог пьесы о царице и львице: «купцы, плавающие по морю, взыскаючи богатства, иногда и свое все имяне по губляют, абие со всем домом опечеляется и неутешно плачет...» Там же, стр. 197.

⁴ См. реплику царя в явлении 9-м: «купцов бо прибыльток несносны и трудны» (там же, стр. 216, стих 543).

«фессию купцов, интересуется «славой» и «красотой» отечества, но отнюдь не накоплением капиталов, очевидно, предоставляя последнее всецело купцам.¹

Торговая монополия, ограждение от конкуренции двора и дворянства, снижение, если не совершенное упразднение податей и пошлин — были исконной мечтой купечества, в частности русского купечества петровской эпохи. Недаром идеолог русского купечества того времени Посошков, между прочим, проектировал: «не худо бы расположить, чтобы всякий чин свое бы определение имел».

Обе новонайденные драмы, сходясь временем своего происхождения (вероятно, второе десятилетие XVIII в.), имея ряд аналогичных особенностей в языке, стиле, в исполнении первого явления с царем и с четырьмя же «сенаторами» и т. п., — обнаруживают сходство и в своей классовой тепдекции. Высказывая, правда, в разных, сюжетных оболочках и в разных вариациях идею возвыщения «невинно страждущих»,² обе пьесы отражают, надо полагать, тот же социальный конфликт петровской эпохи, о котором выше шла речь, с точки зрения купеческо-мещанских кругов.

Автор специальной статьи об этой драме С. А. Щеглова обошла вопрос о возможном месте постановки этой драмы «за неимением данных».³ Нам кажется, что для пьесы о царице и львице можно было бы решить этот вопрос, в общем, таким же образом, как мы решили его для пьесы об Иудифи, с тою разве разницею, что пьеса о царице и львице могла идти и в театре при самом Московском госпитале. Предполагаем это в виду ее большей обширности и сложности (17 явлений), большего количества в ней элементов так сказать «школьной» драмы, наконец, в виду достаточно прозрачного (не отмеченного С. А. Щегловой) упоминания в ее эпилоге о присутствии на ее представлении каких-то лиц из наставнического персонала.⁴ Сама пьеса именует свой театр «малораз-

¹ Там же, стр. 215—218.

² См в подробном заглавии этой пьесы: «Акт о преславной палестинских стран царице, всюду славно прекрасно сияющей Дявие, како... многая и ужасная восприя бедствия и како... не повинно страждущая, паки от печали свободися». Там же, стр. 196. Ср. подобное в прологе, стр. 197.

³ С. А. Щеглова, цит. соч., стр. 195.

⁴ «... Благородного всепокорно просим собрания, да аще в чем-либо погрешение наше узрли есте ли, милосердным вашим разсуждением покрыете, или яко более разумеещи простите, утру же паки сиявшу сонцу, не яко презирающе, но яко наипаче научающи нас, аще бог здравия ваша сохранит, невредно посетить желаем» (там же, стр. 229).

умным».¹ Социальная суть этой драмы, однако, не позволяет относить ее к театру, который доселе назывался собственно «школьным», т. е. к официальному театру славяно-латинской академии, который находился под контролем чиновного духовенства и который, нам кажется, следует строго отличать от вольных любительских студенческих и полустуденческих театральных представлений.

Отметим полутно, что когда историку старинного русского театра П. О. Морозову в свое время пришлось решать аналогичный вопрос о том, где и когда созданы и представлены были две изданные им² дотоле неизвестные пьесы: об Индрике и Меленде и другая — о царе перском Кире и царице скифской Тамире (кстати, имеющие общее с нашей пьесой по типу и стилю), — то названный ученый совершенно справедливо, хотя и обходя наиболее надежный в таких случаях классовый анализ, решил этот вопрос в пользу «любительской труппы Московского госпиталя или той компании студентов и подъячих, которые на святках и маслянице устраивали балаганы и разыгрывали в них, между прочим, «Евдона и Бероу».³ Автором пьесы об Индрике и Меленде, «по всей вероятности, говорит П. О. Морозов, был один из учеников славяно-латинской академии, которых доктор Бидло переманивал в свой госпиталь».⁴

К такому заключению названный ученый пришел как отрицательным путем, путем выявления невозможности отнести эти драмы к какому-либо официальному театру петровского и ближайшего к нему времени (20—30 годы),⁵ так и путем положительного анализа, исходя из более или менее самостоятельного типа этих пьес, свободы от тогдашней рутинности, наличия в них стихотворного размера, языка без варваризмов, но с украинизмами, наконец, намеков на реализм в изображении главной героини Меленды (ср. подобное в обрисовке Иудифи). В этих и подобных пьесах

¹ В прологе: «Мы убо, благоохотни зрителие, умыслихом ныне лицецерению вашему сипеевое чудо на сем нашем малоразумном театре седмьюнадесят сцениами показати» (там же, стр. 197). Ср. в эпилоге: «Мы же, малоумные и неискусные суще, . . . надеемса, яко и на сем нашем сценическом театре предьявляюще действие сие, много посрамихомся. . .» (стр. 228—229).

² П. О. Морозов. История рус. театра . . . СПб., 1889, Приложение, стр. I—XXIX.

³ Там же, стр. 279.

⁴ Там же, стр. 281.

⁵ Между прочим, первым путем шел Б. В. Варнеке, приписывая составление и исполнение изданной В. Н. Перетцем (Памятники русской драмы эпохи Петра Великого, стр. 493—558) «Шутовской комедии» — «тем разночинцам из приказных и грамотных дворовых людей, в руки которых перешел наш театр после смерти Петра». (Б. В. Варнеке. Из истории русского театра в начале XVIII века, Казань, 1905, стр. 22; отд. отт. из «Изв. Общ. арх., ист. и этн. при Каз. у-те», т. XXI, вып. 4.)

названный ученый правильно нащупал «первые попытки самостоятельной работы в области светской драматической литературы», «первый лепет зарождающейся русской драмы», но, будучи далек от метода классового анализа, был беспомощен швре и тверже поставить вопрос о подлинном характере и объеме первоначального дворянского (досумароковского) мещанско-разночинного театра. Так и осталась в сущности недописанной одна из любопытнейших глав истории русского театра.

Мы не сомневаемся в том, что новая (еще не написанная) история театра и драмы в России выяснит большое значение театра петровской эпохи в деле зарождения и первоначального развития русского драматического искусства — до возникновения в 30—40-х годах XVIII в. театра на дворянской классовой основе, т. е. до начала спектаклей при Шляхетном корпусе и до появления пьес Сумарокова. Именно на этом раннем этапе впервые (хотя, может быть, и в недостаточно зрелых и умелых образах) послышались со сцены отголоски современной жизни и классовой борьбы, а вместе с ними и первые намеки на реалистический стиль в русском театральном искусстве. Уже в это так сказать «доисторическое» время русский театр успел приобрести массовое распространение в низах тогдашнего русского общества, завоевав себе популярность среди «любителей» — не только Москвы, но и провинции.

Как известно, один из таких провинциальных любителей, пасынок ярославского промышленника — кожевника, по некоторым известиям экс-студент Московской славяно-латинской академии, набрав из приказных, посадских и студентов вольную труппу, создал прославленную «колыбель» постоянного русского театра. Не отрицая заслуг «отца» русского театра, не теряя при том из виду и дальнейших замечательных успехов разночинно-демократической не-дворянской струи в истории русского театра (Щепкин, Островский, Семенова, Мочалов и др.), мы не можем недооценивать истоков этой струи, многое объясняющих в дальнейшем развитии. Одним из скромных, но любопытных продуктов доселе малоизученного «колыбельного» периода истории русского театра мы и считаем отысканную нами драму.

ТЕКСТ

Текст драмы об Иудифи издается по единственному пока нам известному списку первой четверти XVIII в. Житомирского собрания Библиотеки УАН, лл. 35 — 59 об., с соблюдением правописания оригинала. Стихотворная речь, написанная в рукописи сплошь как проза, разбита нами

здесь на стихи. Явные описки оригинала исправлены в тексте с соответствующими оговорками в примечаниях. Титла раскрыты, причем внесенные вследствие этого в текст буквы отмечены курсивом. Употребление *ъ* и *ь* в рукописи отличается отсутствием системы. Вставляемые *ь* (вместо пропущенных) также отмечаются курсивом. Рукопись, которая легла в основу издания, пока не имеет постоянного шифра. Временный (актовый) номер рукописи 813-й.

[л. 35]

О ПРѢМУДРѢ ЮДИОѢ, КАКО ОЛОӨЕРНУ ГЛАВУ ОТСЕЧЕ ЮДИВѢ

Является царь Новхудоносоръ с бояры своими і совѣтуеть о разширѣнїи царства своего і войнѣ, хотящей быти под Виоулским градом і о посланїи воеводы Олооерна.

Явление *а̄*.

Царь.

- 1 Изрядное нынѣ начинаю дѣло¹
 Царствию моему і полезно зѣло,
 Рыдающу горко дѣву утѣшаю,
 Царственну обиду отмщати дерзаю,
 5 Безчисленно войско тшуся собирать,
 Виоулский град с людьми днесь іскореняти.
 Нынѣ вас, велможи, призываю на совѣт,
 Да премудрымъ гласомъ дадите мнѣ отвѣтъ.

Сонатарь *а̄*.

- Право ваше царско слово, і дѣло полезно,
 10 Еже начинаеши, всѣмъ в народѣ любезно.
 Перво, величеству царску ти честь сотвориши,
 Второе, царство і люди [л. 35 об.] вся разпростириши,
 То как тебѣ толикия терпѣти досады,
 Аще восхощеши, твоя есть земля і грады.

Царь речет.

- 15 Понеже і богъ насъ на сие устроил,
 Дабы люд всей земли в единство усвоил,

¹ В рукоп.: Изрядное дѣло нынѣ начинаю, . . . — перестановка слов с нарушением рифмы.

- Какъ противныхъ людей сих не наказати,
 Какъ преславно войны днесь не начянати?
 Война же прилѣжность любит на побѣды,
 20 За отчество бѣтся, не бояться бѣды.

Сонатарь в̄.

- Той ненавидит живот, кто войну начинает,
 А любяи здравие си честь не оборонит,
 Лучше смерть примем, свѣтлы царю, мы твоя люди,
 А безсмертна на вѣкъ честь твоя царска пребуди.
 25 Отмцай обиді дѣвы своей неразрушенной,
 От неприятель срогих весма неосквѣрненной.

Царь рече.

- Прилѣжаніе даетъ разумъ во случай военный,
 Коим промысломъ будетъ неприятель згубленный,
 Мое [л. 36] прилѣжаніе, а ваш разумъ да буди,
 30 І во начинаніи сем будут сугубіи труды.
 Словом должно начати, дѣломъ требно кончати,
 Аз і вы замышляем, кто ж будет помогати?

Сонатарь г̄.

- И небо будет тебѣ, царю нашему, помогати,
 Како нам на сей глаголъ совѣту не подати?
 35 Земля і та будет всѣхъ врагъ твоихъ пожирати,
 Огнь попаляти, вода та будет потопляти,
 Благопотребно слово твое оно сотвориай,
 Ізрядное воинство отовсюду собирай.

Царь рече.

- Собрати воинство могу і словомъ единымъ,
 40 Но должно вручити то воеводамъ предивнымъ.
 Вожда мудра скоро избрати отнюдь не мошно,
 Развѣ самохотна, дабы намъ служилъ неложно.
 Или самъ потщуся, или пошлю воеводу,
 Которым дамъ скору мечь іудейскому роду.

Сонатарь д̄.

- 45 Ничто преславнѣе совѣтовъ твоихъ богоданныхъ,
 [л. 36 об.]. Еже милостивно промышляеши о подданныхъ,

Аще ты ізволишь отмстити своим царским походомъ,
 Или вдати воевь своим премудрымъ воеводомъ,
 Да благоугодно царю тебѣ вѣрно сотворятъ,
 50 Град Виоулюю, в нем суция вся дома разорять.

Царь речет.

Я вмѣних быти мудра воеводу і вѣрна,
 Тебѣ возлюбленнаго ми слугу Олооѣрна,
 Тебѣ вручаю мое все храброе воинство,
 Прими высокій чин сей, твое бо достоинство,
 55 Прими і мечь мой острый, тѣмъ будеш усѣкати,
 Противных мне людей тыхъ до конца сокрушати.

Сонатарь той же.¹

Готовъ, готов служить тебѣ, царю і богу,
 Град Виоулский разорю і людей попремногу,
 Не толко сим мечем женъ, мужей, но и младенцевъ,
 60 Из чревъ матерних терзати всѣх буду яко птенцовъ,
 Да твоя честь день от дне так будет прирастати
 І несмертная слава, донже свѣтъ, сияти.

[л. 37]

Явлетца Олооернъ со Ахиоромъ і со множеством вой оруженных
 і совѣтуеть о напрасном взятии Виоуліи града со Ахиоромъ.

Явление в̄.

Олооернъ.

Всякъ град і страна, іже мнѣ днесъ не покаратся,
 Мечем Навхудоносора царя потребятся,
 65 І нѣсть инъ богъ помощь людям нынѣ подавая,
 Токмо единъ царь мой, іже мнѣ мечь сей вручая.
 Виоуліи града людей тѣмъ буду усекати,
 Возвѣсти ми о сих, како імуть пребывати.

Ахиоръ.

Вѣмъ, яко сіи люди всегда пребудуть без страху,
 70 Не толко бо імъ коснется мечь, ниже іх праху.

¹ Он же, очевидно, — Олооферн.

Оставиша бога отецъ твоих¹ во умѣты,
 Небесному-ж богу своя воздаша обѣты,
 Который ихъ из работы Египта свободил,
 Любивше тѣх, оараона без меча погубил.

Олоѳрнъ.

75 То како смѣшиши сие пророчествовати,
 Честь моего [л. 37 об.] бога царя тѣмъ уничижати?
 Но егда без остатку кровь людей пролиецца,
 Тогда і в сердце твое сей мечъ люто пронзется,
 Яко Навхудоносоръ есть *господинъ*, то узриши,
 80 Егда купно с ними мечемъ ассирским умреша.

Ахиоръ.

Не страши смертию, яже живота лишаетъ,
 Аще і горка есть она, всѣ побѣды скончаетъ,
 А верному і смерть лучши есть живота злаго,
 Мнѣ с людьми божіими жити і умерети драго.

Олоѳрнъ.

85 От словес тѣ вижу, яко ложно вѣщаеши,
 Еже смерть лучши живота себѣ вмѣняеши,
 Но зѣло то драго, егда живота лишишися,
 Однако человекъ еси ты, смерти боишися.²

Ахиоръ.

В злобѣ стоишь, а рассудку не употребляешь,
 90 Я тебѣ правду глаголю, а ты не познаешь,
 Знай, бояться смерти [л. 38 |] мнѣ есть отнюдь не треба,
 Мое лишение жизни довѣдет мя неба.

Олоѳернъ.

Престани пророчествуя суетно вѣщати,
 Честь царску уничижати і мнѣ досаждати,
 95 Мой царь і богъ, той землею і небом владѣет,
 Будет с нами в небѣ, аще іудей одолѣет.

¹ В рукоп.: своих.

² В рукоп.: боишися.

Ахиоръ.

Не пророчествую се аз, но правду являю,
 I спм словом чести царской не уничижаю,
 Но вѣмъ, яко не возмет град, ниже одолѣет,
 100 Аще землю і небом яко богъ владѣет.

Оловернъ.

Твое пророчество тебѣ скоро смерть родит,
 Безумная главо, не престая скорбь родит.

Ахиоръ.

Мнѣ единому скорбь, а тебѣ нынѣ радость,
 Чаю, премѣнися всѣмъ оуртона в сладость.

Оловернъ.

105 Хотель было ты днесъ сямъ мечем умертвити,
 Но на общую смерть в Виоулю послите.

Ахиоръ.

[л. 38 об.] Иду смѣло за правду, не жалѣю о себѣ,
 Помянешь слово мое, как сбудется на тебѣ.

Оловернъ.

И что збудется на мнѣ — се гнило слово твое,
 110 Збудется воля моя, пройдет мечь сердце твое.¹

Ахиоръ.

Сердце аще і мечем і люто враждается,
 Но душа права в покой вѣчный водворяется.

Оловернъ.

Когда-ж тѣло твое может смерти избыти,
 Тогда і дух твой имать в вѣчном покое быти.
 115 Но что стоите? скоро Ахиора возьмите
 I во крепки его град Виоулски предадите.

¹ В рукоп.: . . . пройдет сердце твое мечь — перестановка слов с нарушением рифмы.

А х и о р ъ.

Крѣпость града того не в крѣпость уповает,
 Но в силу божию, егоже защищает,
 І моей смерти лишень і здравя своего,
 120 Аз же отпущень есмь видѣти обоего.

—————

[л. 39] Является Іосия градодержавны і снимъ пастор, вопнѣ, бур-
 мистъ, совѣтует о очищеніи града, і абие приходит Іюдивъ укрѣпшляя іхъ.

Я в л е н и е Г.

І о с и я.

Охъ, увы, что слышим се, і что мы видимъ нынѣ,
 Не одолѣемы нашъ град весь обстоимъ силнѣ!
 Ох, увы, избранный род в ругателство вѣдугся,
 Мужи і жены под меч ассирскій предаются!
 125 Младенцы сиры, вдовы, юноши вси ждѣт смерти,
 Хочет бо Оловернѣ до основания стерти.

П а с т о р ъ.

Не толко людей, і церковь время се ослезило,
 Яко град наш сопротивныхъ силъ морѣ окружило,
 Нѣсть бо в немъ пѣнныя, жертвы, кадил припошения,
 130 Точию горѣсгъ і слезы, плачь без утѣшениа,
 Зѣло презестоко на нас асирянѣ напали,
 Огнемъ палят на божій храм, нам і внити не дали.

І о с и я.

[л. 39 об.] Увы, увы, согрѣшихом, якоже отцы наша,¹
 Неправо дѣемъ, якоже тѣи беззаконноваша!

П а с т о р ъ.

135 Книги учат нас, за грѣхъ война начинается,
 Молитвою же, слезами она окончается.

¹ В рукоп.: наши.

Іосія.

Придсте слышите, мечь нашъ нам днесъ не помогаетъ,
 Придите видите, крѣпость-сила ослабѣваетъ.
 Прѣдковѣ наши со трудомъ стѣны созидали,
 140 В когорых і кости своя купно вси полагаали,
 Подобаеет нам за гробы отцов крѣпко стояти
 І до послѣдний капли кров свою ізляти.

Воинъ.

Я слыхал і от женстѣй¹ журбы терпят досады,
 А не толко что страждут неприятель осады,
 145 Лучше подобна время нам смотрети і жлати,
 І нагло вылоской² с неприятелем бой дати.
 Или неприятеля понудим отступитъ вспять,
 Или общую смерть вси сподобимся воспрятъ.

Іосія.

[л. 40] Азъ вижду, яко симъ мечемъ крѣпость не спасетса,
 150 Град разоритса, а кровь всеу пролетитса,
 Понеже много тысящъ воинства обстоитъ,
 Неприятель обнаженным мечем люте грозит.³

Воинъ.

Аще намъ і злѣ грозят, себя-ж болше опасаютъ,
 По чюжду главу ідут, свою под мечь припасаютъ,
 155 І в картах на игре, не толко на войнѣ грозятъ,
 А ломаного лука два боятса, такъ говорятъ.

Іосія.

Слезы мнѣ глаголати днесъ, како нам стояти
 Против враговъ і како град сей обороняти,
 Малолюдны бо есмы, нестважни бываемъ,
 160 По десяти бо персонъ⁴ на всякій член нашъ чаемъ.

¹ В рукоп. неразборчивое слово, прочитанное предположительно.

² Испорченное место: 1 нагло вылоска (?).

³ В рукоп.: грозятъ.

⁴ В рукоп. ошибочно: персян.

Лучше нам живым быти во Асиріи в плѣнении,¹
 Жены і чада наша зрѣтъ в погубленіи,
 Со иноплеменники добрѣ нам хвалити бога,
 Нежели пролиетя кров без остатку многа.

В о и н ъ.

165 В нашей ратуше зѣло много сребра і злата,
 Но толко [л. 40 об.] едина мочь, сила наша отята,
 Понеже от враговъ намъ і то не помогает,
 Ради бы плату дали, ништо не обороняет,
 Изыти наняѣ силы — не имѣемъ свободы,
 170 Облегли бо нас крѣпко асирские народы.

І о с и я.

О *господи, господи*, бог отца нашего Авраама,
 Днесъ да будет оборона твоя нам на врага дана²
 Изми нас от меча хотящаго поразити,
 Со жены і чады купно вся ны умертвити.

В о и н ъ.

175 Слышим, како пушки громоносныя палят,
 Высокие храмы і крѣпкіе дома валят,³
 То како уже намъ во градѣ болче пребывать,
 В погребях і въ ямахъ не можем себѣ сохранятьъ.

І о с и я.

Нынѣ пять дней пождемъ равнодушно от бога,
 180 Да придет нам милость і оборона многа,
 Аще ли во пять дней не получимъ свободы,
 Все предадимся в плѣнъ в асирійския роды

[л. 41]

І ю д и в ъ

Кто есте вы, іскушаете вышняго бога?
 За то немилость і ярость возжется многа.

¹ В *рукоп.*: в плѣнение.² В *рукоп.*: на врагъ а отдал.³ В *рукоп.*: палят.

185 Вы милости господни і день час положили,
І срочный час воли своей в пять дней¹ назначили.

І о с и я.

Уже горести сердце наше ісполнися,
Понеже лють мечь враговъ на нас изострися.

І ю д и в ъ.

Припадемъ к богу [с] слезами і с плачем довольным,
190 Да оборонит не на срок спасениемъ волнымъ.

І о с и я.

Лучше нам впасти в руце бога жива,
Вѣмъ, вѣра твоя есть нежива.

І ю д и в ъ.

Не могу же без вѣры аз спасенна быти,
Вѣрою Оловерна хошу умертвити.

І о с и я.

195 Необузданный, о свирѣпство, неутолимый гнѣвъ,
Рыкает на нас Оловернъ люто, якоже левъ.

І ю д и в ъ.

Аще и смерть нас страшит, но живот радостенъ,
Смирѣнъ будет Оловернъ, хотя і пакостен.

[л. 41 об.]

І о с и я.

Вижду тя, яко в сердце твоємъ огонь возжеся
200 Любве божия, та любов к нам простреся.

І ю д и в ъ.

Како мнѣ любве к нам днесъ от сердца не явити,
Понеже здѣ отецъ мой, мати імѣли жити.

І о с и я.

Правда есть, за отчество і всякъ умирает,
Но нѣсть то у нас, да кто о томъ поборае.

¹ В рукоп.: вспячь.

Іюдивъ.

205 Не глаголи о семъ, вси сего желаютъ,
І вся смиренная молвы не престають.

Іосия.

Добро намъ будетъ, аще сие совѣршится,
Желаю да молитва твоя продолжится.

Егда Іосия с прочими отходитъ, тогда оставльшаяся Іюдивъ преклонши
нозѣ на колѣне, облекшися во вретяща і посыпавши пещеломъ главу,
і молится сице:

Господи боже Симеона отпа моего,
210 Колорому мечъ спасения данны твоего,
Імъ же онъ врагомъ проливый кровъ яко воду,
І жены враговъ его предалъ в плѣнъ его роду.
[л. 42] Дщери ихъ вся облече і в студ поруганне,
Понеже ты, боже, былъ помощь упование.
215 Молю тя, *господи*, помози днесь мнѣ, вдовице,
Во смертномъ страхе і горести зѣло толице,
Дажь ми крѣпость, да убью азъ врага своего,
Да отсечется глава мечемъ істовымъ его,
Да будетъ имени твоему в память і славу,
220 Егда рука женска отсечетъ крѣпкому главу,
Укрѣпи бѣдную вдову то чающую токмо днесь,
В страхе і ужасѣ бывающую, яко нѣсть
Можемъ что безъ тебѣ, боже, творити,
Ты вѣси, како насъ хранити, врага мертвити.

Является аггелъ, имѣющей в руце мечъ і вѣтвь, являющій побѣду
і миръ, вручаетъ обоя Іюдиѣ, укрѣпляющій и възвѣщающій славную побѣду.

Явление д̄.

Ангелъ.

225 Нынѣ посла мя *господь* помощь тебѣ дати,
Да яко силна можешь врага побѣждати,
Прилѣжны твоя к бѣгу слезы і молитвы,

Скоры суть, яко стрѣла, остры паче бритвы,
 Дерзай, мужествѣнная мудрая вдовица,
 [л. 42 об.] Не бойся силнаго, не устыдишь красоты лица.

Іюдиѣ ѡ.

- 230 Ревность сердца моего аще мя снедает,
 Како не бояться мнѣ, ужас обимает.
 Немошно естество, ни слыны молитвы моя,
 Но силѣнь есть господь мой, і си глаголы твоя.
 Но аще еси і ты істинный слуга его,
 235 Глаголомъ твоимъ будет, будет венець дѣла моего.

Ангель.

- Вся ти ісполнятся, яже к богу слезно речеши,
 Слезми, яко мечем, главу Оловерну ссечеши.
 Град Виоуля достойный отчиною своею
 Очищенъ будет, і убит врагъ рукою твоею.
 240 Свѣтлость граду, людемъ сирава, і богу слава,
 Яко на мечъ в руке ти Оловернова глава.

Іюдиѣ ѡ.

- Како можетъ быть в моей руке воеводы глава,
 Оловерна, его же небо превосходитъ слава?
 Град же, отческий народ, како мною свободится,
 245 Внегда рукою его [л. 43] і со гражданы пленится?
 Мы не храбрствомъ, силою божиею обороняем,
 І радость нам, понеже за правду вси умираемъ.

Ангель.

- Не ужасайся, страхомъ одержима не буди,
 Не только себѣ спасеш, і воульскіи люди.
 250 Ты немощна естествомъ, но есть сильная нравомъ,
 Убиеш Оловерна к богу побѣ . .¹ нравомъ,
 Аще і жена суци, а мужески твориши,
 Не оружиемъ многимъ, врагъ слезами гониши.

¹ Неразобранный мѣсто.

І ю д и в ъ.

Не толко женам, і мужемъ соблазнъ бываетъ,
 255 Егда кто обѣту своего не исполняетъ.
 Мнѣ, женѣ, како мошно градъ свободити
 Наш, вѣмъ бо, вѣмъ, Оловернъ то будетъ его плѣнити,
 Не толко здѣ мужи, жены, младенцы, сироты,
 В болѣзни сей смертной лишаются вси доброты.

А н г е л ь.

260 Многи скорби, Іюдивъ, правдивымъ обрѣтаются,
 Обаче молитвою, мужествомъ свободяются.
 Ты, вдова сущи, добре [л. 43 об.] в дѣле семъ начинаешъ,
 Еже сеѣшь слезами, радость да пожинаешъ.
 Понеже бо вдовия молитвы сильны предъ богомъ,
 265 Могутъ во время нужды помощі в прошеніи многомъ.

І ю д и в ъ.

Аще к моему мужественному намѣренію
 Дастъ *господь* силу по своему благоволенію,
 Не обвиняю реку: убью зла Оловерна,
 В чистотѣ своей азъ буду права і богу вѣрна.
 270 Боюся, дабы не соблазнъ были твои глаголы,
 Но надѣюся на вѣру і божія щедроты.

А н г е л ь.

Не бойся, о Іюдиѳо, токмо вѣруй, спасенна будещи,
 Дерзай, яже ты мыслиши, славу божію вскорѣ узрещи.

І ю д и ѳ ъ.

Хвалю бога, яко отъ тебѣ благовѣстие приемлю,
 275 Хотящую мною побѣду отмстити вскорѣ зѣло внемлю.

Егда невидимъ бываетъ ангель Іюдиѳою, абие отходитъ она, является же паки *ангелъ* і проклятый [л. 44], устрашая¹ Іюдивъ, который по прѣніи пораженъ ангеломъ.

¹ В *рукоп.*: устрашаяся.

Бѣсѣ.

Неправда то есть, і како можетъ быти,
 Ежебы жена могла мужа убити,
 Побѣдителя плѣнница одолѣеть,
 Лва ли овца съестъ,—то отнюдѣ не довлѣетъ.

Ангель.

280 Азъ правду глаголю, вѣрна жена побѣдитъ мужа,
 Егда за отчество і правду умрети ей нужна,
 Но нѣсть бо правда, яже ты, враже, глаголеши,
 Сынъ бо еси лжи, ты ко отцу своему да идиши.

Бѣсѣ.

Вижу, Юдиѣ, се есть прелесть явленна,
 285 Не мужа убьетъ, имъ будетъ убиенна.
 Вѣмъ бо, не получитъ она тако побѣду,
 Развѣ Олооерномъ себѣ велию бѣду.

Ангель.

Вѣси, яко сей женѣ дастся крѣпость тѣлесна,
 Юже азъ днесѣ прѣдрекъ ей, і се дѣло нелесно,¹
 290 Понеже божия сила в немощныхъ является,
 Немощнымъ сосудомъ мужъ сильный побѣждается.

[л. 44 об.]

Бѣсѣ.

Я глаголю, время начинаетъ преставати,
 Яко Олооерну добръ помогати,
 Устрою его азъ такъ похотию разженна,
 295 Яко имъ Юдивъ будетъ на одръ положенна.

Ангель.

Есть злату і серебру огнь іскушение,
 Тако тѣмъ побѣдитъ плоти разжения,
 Сия бо жена свята предисна і вѣрна,
 Та побѣдитъ вѣрою врага Олооѣрна.

¹ В рукоп.: нелесна

Бѣсь.

800 Не вѣмъ, аще істинна о ней будет тако,
Толко Оловерну аз буду помогати всяко.

Ангель.

Знай, сия будет, храбры оборонит града,
Ты ж проклятый бѣсь і с ним іди до темна ада.

Является Юдиѳъ со рабынею во устроении своем, хотящая іти в полки Оловерновы, і с нею выходит Іосия с протчими, опускают ея со увѣщаниемъ і глаголы.

ЯВЛЕНИЕ Б.

Іюдиѳъ.

Всякій есть оундаментъ начатого дѣла,
805 Украшает [л. 45] венець кончання цѣла,
Днесъ імѣю время мысль мою вершити,
Імъ же аз поражу, тѣмъ буду целити.

Іосия.

Дерзай, дщи Израилска, і буди то, буди,
Днесъ рукою твоею да спасутся люди,
310 Смѣлому сердцу всегда смерть есть за живота,
Обаче одолит смерть лица твоего доброта.¹

Іюдиѳъ.

Не о себѣ хвалюся, ни на силу надѣюся,
Но вижу, яко пища мечю асирску спѣюся.
Токмо единое то нынѣ мене утѣшает,
315 Яко тому конецъ, благо кто в надеждѣ умирает.

Іосия.

Не умрешь і брашно чюждему не будешь,
Токмо аще вѣрность ты право соблюдешь.
Тепла вѣра твоя і блага надежда,
Тѣми поразится врагъ наш і невѣжда.

¹ В рукописи перестановка слов, нарушающая рифму: лица доброта твоего.

Іюдиѣъ.

320 Вѣра моя в надеждѣ творца моего бога,
Тою поражу врага, творца нам зла многа,
Аще всѣмъ извѣстие [л. 45 об.] аз от бога прияла,
Точию жалость смертна сердце мое отяла.

Іосия.

Дерзай, мудрая жена, ібо ты побѣдишь,
325 Яко вторый Моисей, работы свободишь,
Поражай супостаты, град нашъ обороняй,
І пленниковъ возвращай, а враговъ прогоняй.

Іюдиѣъ.

Нѣсть аз надежда ваша, не оборонитель,
Но богъ мой будетъ помощь намъ і свободитель,
330 І ты поборатель нашъ, славный Ахиорѣ,
Простирайся в молитвахъ ко небесной горѣ.

Ахиорѣ.

Знай, богъ во брани всегда оному помогаетъ,
Егда кто храбрымъ сердцемъ мужески поступаетъ.
Совершай начатое вѣчной любви дѣло.
335 Иди в полки, сокрушай Оловерна всесмѣло.

Іосия.

І аз глаголю, гряди, уже время приспѣло,
Явити на вселеннѣй такъ преславное дѣло,
Иди, диди¹ моя, іди днесъ богъ повѣлеваетъ,
Яко силу его врагъ в тебѣ сущу познаетъ.

[л. 46]

Іюдиѣъ.

340 Иду не обинуюсь, хожу, да врагъ убьется,
Ваша-ж к богу молитва о помощи пролиется,
Мене-ж в путь невозбранный смиренную отходящу
Простите теплѣ, от васъ днесъ прощения² просящу.

Ахиорѣ.

Како не молиться намъ о твоёмъ спасеніи,
345 І како не просити³ бога о избавленіи,

¹ В рукоп.: тши.² В рукоп.: прошения.³ В рукоп.: просите.

Богъ ти простит, честная жена і премудрая,
 Прѣлетай, соты збйрай, пчела люботрудная.
 І услаждай нашъ языкъ, в горести омоченный,
 Которой злѣ огорчилъ Олооернъ ополченный.

І о с и я.

350 Богъ ты простит, крѣпкий лукъ нашъ напряженный,
 Богъ ты да соблюдет, мечъ нашъ ізощренный,
 Ты копие наше на врага, щить, забрало,
 Оборона наша днесъ нам воссияла.

І ю д и ѳ ѳ.

Иди в путь, шествуй мнѣ, Абра моя драгая,
 355 І по трудѣхъ многих узриши вся благая.

А б р а.

Жена, аще в рожденіи многи скорби принимает,
 А егда [л. 46 об.] чадо родит, болезни забывает.
 І мы естли во многих скорбѣхъ і трудѣ будемъ,
 Когда получим радость, тогда позабудемъ.

І ю д и ѳ ѳ.

360 На побѣду почалем,¹ такъ надобно мужатись,
 Гдѣ смертной вред і гдѣ страх, тамъ треба не боятись.
 Мужество оказуетъ на противных побѣду,
 А боязнь вредит силных і родит многу² бѣду.

А б р а.

Мнѣ вьнѣ зѣло есть страх і ужас отраженный,³
 365 Не боюсь, не убьет мя Олооернъ ополченый.
 Понеже не аз іду к нему, ты мя ведеша,
 Добро іли зло будет, то все ты понесеша.

І ю д и ѳ ѳ.

Тому і ты молися, кому і аз хвалы воздаю,
 Жив богъ нашъ, живи і мы будем с тобою — знаю.

¹ Слово сомнительное.

² В рукоп.: много.

³ В рукоп.: отраженный.

Является Оловернъ с войны своими і пред нимъ привѣденная Іюдиѳъ, кланяющаяся ему і прося избавления своего, он же обѣщая ей свободу і покой. [л. 47]

ЯВЛЕНИЕ 5.

Оловернъ.

370 Радостна будь душею, в сердца не ужасайся,
 Всегда бывай свободна, в покой нашъ водворяйся.
 Живъ есть господинъ мой царь, жива і сила его,
 Довлѣет ти всегда честь господствія моего.
 Понеже в лѣпоту дѣло се добрѣ сотворила,
 375 Пришед под руку царску, смерти себя лишила.

Іюдиѳъ.

Благодарю аз бога, яко благъ ми есть сей день,
 Еже слышу, что вмѣсто смерти живот мнѣ явленъ,
 Хвалю, тебѣ, господинѣ, днесъ за глаголы твоя,
 Ихже удостоился слышати душа моя.
 380 Но како, плѣнница, аз мышлю быти спасенна,
 Понеже смерть от меча царска та мнѣ явленна?

Оловернъ.

Нѣсть обычай нашъ сему, ниже может быти,
 Пришедша волно с миром мечем умертвити.
 Токмо повѣждь ми, кто еси ты, жена избрана.
 385 Собою ли приде к нам, іли кѣмъ присланна?
 І что пришествіе ти [л. 47 об.] ныне в полки наша,
 І чесо ради в градѣ насъ не ожидаше?

Іюдиѳъ.

Азъ, свѣтлый воеводу, еврейня суца,
 Без отца і матери в сиротствѣ живуца.
 390 К тебѣ же придох тайно, ниже кѣмъ присланна,
 Понеже от тебѣ днесъ всѣм нам смерть познанна,
 Желая і аз, раба, ѿ власти твоей быти,
 І егда будет взят град, чтоб в смергных не быти.

Вагаѳъ.

Како, господинѣ, імъ во градѣ не сидѣти,
 395 Понеже імѣють жены толь красныя, і дѣти,

Мы потщимся в военных трудѣх добрѣ стояти,
Дабы таких красных женъ могли себѣ пояти.

Олооернѣ.

Истинно яко магнит железо скоро влечеть,
Но скорѣе того всякъ к добротѣ ихъ потечет.
400 Мню, яко і вси того жены себѣ желаютъ,
Волѣю быти с нами, тѣмъ смерти избываютъ.

Вагаоѣ.

Токмо разсмотри о семъ і вопросы извѣстно,
[л. 48] Аще сия жена днесъ приде к тебѣ нелестно.

Олооернѣ.

Не мысли о семъ, жено, не толко смерти избудешъ,
405 Но всегда безпечална і в радости пребудешъ.
Аще нелестно пришла, сподобишися славы,
А егда аз і ты, будемъ оба живи і здрави.

Іюдиоѣ.

Нѣсть, господинѣ, во мнѣ ничтоже лукавства,
Точию наполненна душа моя боязнства.
410 Вижу, яко обрѣтохъ благодать пред собою,
Господин мой, изволю всегда жити с тобою,
Аще достойна быти аз во твоємъ чертозѣ,
Прах смѣгати і мыти порты на твоя нозѣ.¹

Олооернѣ.

Достойна ты быти с нами во благодати,
415 Понеже навична, како намъ предстояти,
О семъ зѣло радость мне пришествие твое,
Како здѣ пришла, познав милосердие мое?

Іюдиоѣ.

Како не знати мене, понеже милость явиши,
[л. 48 об.] І покаряющихся мечем своим не казниши.
420 Потщахся аз приити, да милость мнѣ сотвориши,
Да не с протившимися купно мечем умертвиши.

¹ В рукоп. перестановка слов: ... на нозѣ твоя.

Я же і сия сестра моя того пожелали,
Дабы от смерти бѣжав, от тебѣ живот прияли.

Олооернѣ.

Истинну рекла еси, о блаженная жена,
425 Яко разоренѣ будет мною град вашѣ і стѣна,
А противные люди симѣ мечем потребятся,
Естли волно под руку царскую не дадятца.

Іюдиѣѣ.

Вѣмѣ аз извѣстно о семь, пресвѣтлый воевода
Яко здадут град тебѣ, ібо скудна імѣ вода,
430 Того ради избѣгохѣ, да не общница смерти буду¹
Молю тя, мирно во власти твоей пребуду.
Купно і сия будет да неотриновѣнна.
Малодушна бо есть та дѣва, мною веденна.

Олооернѣ.

І лице твое язвит сердце мое красотою,
435 Разум твой поощряет главу мою острою.
Како не мирно [л. 49] нынѣ во власти моей будеши,
Но еще славы вѣчной і чести не избудеши!
Возвѣсти мнѣ о себѣ, дабы аз тое могѣ знати,
Како тебѣ есть імя, і како буду тя звати?

Іюдиѣѣ.

440 Іюдиѣѣ нарицаюся, тако бо есть імя мое,
Ныне же яко повѣлит звати владычество твое.
Благодарю, господи мой, аз любовь твою і милость,
Яко даровал еси мнѣ живот, і покой, і тихость.
Кѣ тому прошу аз, да буду вездѣ свободно ходити,
445 І да никто от воин в томѣ будет ми пакостити.

Олооернѣ.

Азѣ повѣлеваю воемѣ моим, о еже просиши,
Да свободна всегда внидешѣ і изыдешѣ гдѣ хоцешѣ,
І да никто смѣет когда от них чимѣ тебѣ вредити,
Во дни і в ноци і всегда, аможе изволиш, ходити.

¹ В рукоп.: буду смерти.

Іюдиѡѡ.

45) Клѧняюся *государьству* твоему, стопы лобызѧю,
Что же желѧние мое вскорѡ получѧю.

[л. 49 об.] Олоѡернѡ.

Ты *милосердиемъ* нашимъ желѧние си свершила,¹
Желаем ѡ мы, дабы ты волю нашу сотворила.

Іюдиѡѡ.

Смерть бо ѡ живот мой ныне в руке тебѡ данно,
455 Твори волю свою ѡ мнѡ, рабѡ, невозбранно.

Является Олоѡернѡ со евнухомъ своимъ Вагавомъ, посылая его ко Іюдиѡѡ, да привѡдет ю на ложе, ѡ прѡние ѡ том творѧ, ѡ глаголет с ним:

ЯВЛЕНИЕ 7.

Олоѡѡрнѡ.

Яблоко на дрѡвѡ естли велико будет,
Господни радостенъ тогда ѡ семъ пребудет.
А егда вкус его сладостный искушает,
Болше веселие, утѡху получает.

Вагаѡѡ.

460 Вѡмъ сие, аще нѡ снѡдъ, а вещи благие
Видит кто, злато, сребро, камыки драгие.
Зрѡниемъ мысль ѡ сердце его веселится,
(л. 50) А кто себѡ получит, паче утѡшится.

Олоѡернѡ.

Тако ѡ красота женская увѡселяетъ,
465 А егда сообщится с нею, радость сотворяет.
Уязвила сердце мое нынѡ добротою
І возжгла огонь любве мнѡ своею красотою
Пришедшая ко мнѡ днесъ ѡ града жена вѡрна
Іюдиѡѡ, еяже любити хошу безмѡрно.

¹ В рукоп.: свершися.

Вагавъ.

470 Ничто в мирѣ тако всѣм весело бывает,
 Яко тѣло свое кто плотски услаждает,
 А воевода нашъ, присилный Олооерну,
 Такову і ты мысль імѣши безмѣрну.
 Телеси своему уллучити і справу
 475 Свѣтлою женою, котора яви ти¹ славу.

Олооѣрнъ.

Узритъ, любезный слуга, око твое,
 Како возжет, веселит сердце мое
 Жена та, еяжь красота радость дѣет,
 Гряди к ней, вѣстникъ, да к ложи моей спѣет.

Вагаоъ.

480 Всякая радость потом многу печаль родит,
 [л. 50 об.] А терние сѣянно пшеницы не плодит.
 Как может быти сия жена тебѣ радость,
 Понеже закрытая в сердце ея ядость.

Олооернъ.

Ты — второй Ахиор, за радость скорбь наносишь,
 485 Он смерти желает, а ты днесь чего просишь?

Вагавъ.

Обыкло покарятн нехотящих насилство,
 За правду от тя страждемъ, яко наше безсилство.

Олооернъ.

Тебѣ вправдѣ, ібо ты сладкое горким вмѣщаеши,
 На жену любонравну, а лукавство возлагаеши.

Вагаоъ.

490 От одеждъ ізходит моль часто, а от жены лукавство,
 Многи жены явили над сильными неблагодарство.

Олооернъ.

Удивляюся, как ложь сия в слухи твоя вииде,
 Зриши ли, яко сия жена волею к нам приде.

¹ В рукоп.: яви тя славу.

[л. 51] Вагаѳъ.

Вижу аз, что воля ея с неволѣю соплетесе,
 495 Понеже вой оруженных полкъ многъ на брань наведесе.
 На всѣ страны колют их копиями, яко роги,
 Для чего до часа сего та не знала к нам дороги?

Оловернъ.

И что была нужда прѣжде сей жёнѣ к нам приходити,
 Нижѣ случай торговой былъ, нижѣ война имѣла быти,
 500 Аще і неволѣю днесъ, но любовию ведесе,
 Слышав о нашей милости, сердцем зѣло возгорѣся.

Вагаѳъ.

Такимъ в сердцах іскра смертная скрыта бывает,
 Кто лвиную ярость в овчию кротость скрывает.
 Дондеже в неволи видится, то¹ нас і любит,
 505 Как свободна будет, то с неприятelmi губить.

Оловернъ.

Всякому пути прилогъ есть благословѣние,
 А твой начаток воли моей противление.

[л. 51 об.] Евнухъ.

Вѣси, господинѣ, женска лесть от мудрых таятся,
 А моя противность тебѣ к согласию явится.

Оловернъ.

510 Да кто мнѣ противник, токмо царь Новхудоносор,
 Васъ же вмѣняю умѣты і ставлю, як соръ.

Евнухъ.

Времѣнемъ от нижайших честные слово приемлют,
 Которые в разумѣ і вѣрности си не дремлют.

Оловернъ.

Знаю і честные заемлют от искусных мудрости,
 515 Однако і премудрых казнят, гдѣ приносят грубости.

¹ В рукоп.: что.

Евнух.

Аще премудрость когда во грубость тебѣ явится,
Тогда тще мое слово, а твоя воля творится.

Олооернъ.

Иди, мой любезный, моли еврейныню оную,
[л. 52] Да изволит обитати со мною пришед волѣю,
520 Да тогда і слово твое моя радость соблюдется,
Егда на ложе моя днесъ Іудиюѣ тобою ведется.

Вагав.

Готов нынѣ призвати, аще того не желаю,
Прежде свою, нынѣ же твою волю исполняю.

Олооернъ.

За угодное дѣло дары достойные примеша,
525 І всегда благодѣтелствован с нами добрѣ будеша.

FINIS.

Является Вагаѣ, евнух Олооерновъ, со Іудиюю, посланный имъ,
і общаает ей пріятия благихъ, повѣлеает ей внити к нему і глаголетъ:

Явление ѿ.

Вагавъ.

Радуйся, прекрасная Іудивъ, многа лѣтъ,
Первая і честная в дѣвахъ, прекрасный цвѣтъ.
Премудрая между женъ ты, отроковице,
Не убійся внити нынѣ, благая девице,
530 Къ господину моему, славному Олооерну,
Онъ бо явит к тебѣ днесъ любовь зѣло вѣрну.

[л. 52 об.] Іудиюѣ.

Многолѣтствуй ты, мой радостный вѣстникъ,
А разрушися нашъ злобный враг і местникъ,
Ангелское слово мнѣ вѣщаеша,
535 Любовь его, милость мнѣ общаеша.
Рада. рада милость его воспріяти
Да стыжуся пред нимъ аз часто бывати.

Вага вѣ.

Не усрамися, благая отроковице, внити
 I предъ лицомъ господина моего нынѣ быти,
 540 I будещи с нимъ предъ лицомъ его в честности велии,
 I ясти с нимъ і пиещи добрѣ вино в веселии.

Iюди о ъ.

Кая есмь,¹ да противлюся господину моему,
 Сотворю все, еже будетъ благоугодно ему.
 А еже что есть любимо отъ менѣ — воля его,
 545 То і мнѣ приятно будетъ во дни живота моего.

Вага вѣ.

Дабро есть начинание твое і дѣло,
 Иди ко Олооерну днесъ со мною смѣло.

(л. 53) Iюди о ъ.

Зѣло скоро тшуся ітти, но ризы хоцѣю пременяти,
 Дабы господскому лицу было весело взирати,
 550 Чимъ же ты доброго посла і гостя буду дарити?
 Не имѣю злата, сребра і чемъ ти могу платити?

Вага вѣ

Господинъ мой Олооернъ давно ми платѣю обѣщавъ,
 Еще тогда, егда мнѣ призвати тебѣ завѣщавъ.

Iюди о ъ.

Правда тако, мой любезный, ібо онъ всѣхъ насъ боли,
 555 Отъ него будемъ взимати всѣ мы по своей воли.

FINIS.

Является Олооернъ в ложнице своей, с нимъ Iюдивъ, привѣденная евну-
 хомъ Вагаоомъ, ей же благодарение являетъ і понуждаетъ на ложе свое, удо-
 волствуетъ ю і глаголетъ:

Явление б̄.

Олооернъ.

Радуйся, любезная і хвалы достойная,
 Яко днесъ, [л. 53 об.] тако всегда буди ты свободная.
 Нынѣ со мною яждь, пій, ісполнися радости,
 Сей одръ мой в покой тебѣ не отъ моей сладости.

¹ В рукоп.: есть.

560 На семъ всегда будеши со мною почивати,
Любезно¹ тщуся азъ с тобою пребывати.

Іюдиоѣ.

Благодарю, пресвѣтлый вожде, любовь ти многу,
Честь і славу воздаю, царю твоему і богу,
Еже мя в любовь свою добрѣ приобщаеши,
565 Желаниемъ сердце паче привлекаеши.
Ясти, пити готова есмь і здѣ почивати,
Токмо желаю, дабы в мысли мнѣ устояти.

Олооернѣ.

Не о сем ли мыслиши, еже честь кратку нещущаши,
Юже ты днесъ от менѣ зриши любовь і общуеши?
570 Не толико же нынѣ, но всегда вслия будеши,
Любезна Іюдиоѣ, аще со мною пребудеши.

Іюдиоѣ.

Не о сем, *господинѣ*, мышлю, что честь прияти,
[л. 54] Но о сем разсуждаю, достойна благодати,
Которые аз нынѣ возимѣла прияти,
575 А за сие не могу сама что ти воздати.

Олооернѣ.

Кто Олооерна любит, вѣрно добро спѣть,
Якоже нынѣ тебѣ любезно моей деѣть,
Вся честная красная імаши употреблять,
Мнѣ же с тобою треба на ложи упочивать.

Іюдиоѣ.

580 Готова, владыко, готова на твое ложе,
Аще мнѣ укрѣпивый менѣ поможе,
Но прѣждѣ подобает нам вина пити,
Дабы тѣм веселую мысль возбудити.

Олофернѣ.

Вѣси, Іюдиоѣ, яко николиже пил тако,
585 Радуюся о тебѣ і веселяся всяко.
Вижу за твою любовь нынѣ ко мнѣ явленну,
За то хочу аз всегда імѣти тя почтенну.

¹ В рукоп.: Любезному.

Іюдиѳъ.

Уже время возлещи на одръ і почивати,
 Да союзъ любве імать непрѣсечно бывати.
 590 Оружие [л. 54 об.] со бедры і поясъ достоят сняти,
 Понеже ідет время спати, а не воевати.

Олофернъ.

Правду, любезная жено, сие речеши,
 Вижу, яко в тихость, к покою мя влечеши.
 Гряди немедленно со мною почивати,
 595 Начатое дѣло любве моей свершати.

Іюдиѳъ.

Иду, господинѣ мой, понеже мнѣ то радость
 Премѣнити вещь сию общу оортуну сладость.
 Но прѣжде ізволи ты возлещи почивати,
 Аз же по обычаю імамъ ризы слагати.

Олофернъ.

600 Добрѣ днесъ тебѣ, Олоферну,
 Улюбил себѣ жену вѣрну.
 Добрѣ ти, Іюдиѳъ жена,
 Яко мнѣ в любовь превлаченна.

Здесь кончается явление 9-е и здесь же, в конце листа 54 об., помещено начало следующего 10-го явления: «Является евнух Вагаоъ с другимъ по обычаю возбудити Олоферна от сна і обрѣтають его мертва, безглавна, і труп его повержен на землю, плачуще глаголють» (см. ниже). Эти строки очеркнуты со всех сторон, и дальше другой, хотя и близкой по времени рукой на двух вставных листах (55 и 56) вписан прозой нижеследующий текст:

[Л. 55]. Пил же вина много. Егда же бысть вечер, разыдошася отроцы каждо в свой стая и заключи Вагав ложницу и отиде. Иудив же остася едина в ложнице, Олоферн же лежаше в ложнице зело пиян и успе крѣпко.

Рече же Іудив огроковице своей Абре, да стоит внѣ пред ложницею при дверех.

И ста Іудив пред ложницею молящися со слезами: Укрѣпи мя, боже Израилевъ. И приступль к столпу, иже бысть у главы постели его, и мечь его, иже на нем привязан, извлече.

Егда же извлече, ятъ за власы главы его и рече: Укрѣпи мя Госиоди в сіи часть. И удари цважды в выю его и отсече главу его.

і взя завѣсу от столпов и обви труп его безглавыи и помалѣ изыде внѣ и даде главу Олофернову рабыни своей [л. 55 об.] и повеле вложить в пиру свою и изыдоша двое внѣ полка.

И придоша ко вратом градским і воиыаше Иудив издаличе: отверзите врата, яко с нами есть богъ.

И бысть, егда услыша мужие от мала і до велика і вжегни свитилники обыдоша окрестъ ея.

Она же, воступивши на вышней мѣсто, повелѣ молчати. Тогда рече Иудив: Хвалите бога своего, и взя от пиры главу Оловернову.

И показа имъ рекущи: се глава Оловернова, начальника вой асирийских, и се покрывало его, на немже лежаше пьян.

Осия же рече: блаженна ты еси, дщи, господемъ богомъ вышнимъ наче всѣхъ женъ на земли, иже исправи тебѣ во отсечение главы начальника нашего супостата.

[Л. 56]. Рече же Иудив ко всѣмъ людемъ: Услышите мя, братия, возвѣсите главу сию на стѣнахъ нашихъ.

И егда взыдет солнце, возьмите кождо вас оружие свое, изыдите в . . .¹, тогда стражие понуждени будут, да бѣжат к началнику своему возбудити его на ополчение. Егда же притекут к ложнице Оловерновѣ, и обряцут его безглавна, повита в крови его.

И абие взыде солнце, і возвѣсиша главу Оловернову на стѣнахъ, і взл кождо муж оружие свое, изыдоша с великимъ звукомъ і воплемъ.

Сие же видѣвше, стражи притекоша к ложнице Оловерновѣ, иже бяху в ставѣхъ, приходяще предъ вхождениемъ ложницы [л. 56 об.], перуще ногама своима да возбудятъ его, звукъ творяху да не от тѣхъ, иже возбуждаху его, но от шумящихъ возбнет Оловернъ.

Ни един бо смѣяше ложницу начальника ассирийска отверсти или внити.

Но егда придоша воеводы его и тысящники и вси старѣйшины вой асирийскихъ, рекоша постелникомъ: ввидите і возбудите его, яко прошли мыши ис пещер своихъ, дерзнуша поступати на насъ.

Тогда евнух Вагаѣ вниде в ложницу его, ста предъ запоною, и плескаше рукама, и приступи близ запоны, и воздвиглъ ю, і виде трупъ Оловерновъ без главы своей в крови и не обрѣте Юдиву в ложнице.

Тогда раздрав одѣяние свое и рече: ²

Является евнух Вагаѣ съ другимъ по обычаю возбудити Оловерна от сна і обрѣтають его мертва, безглавна, і трупъ его поверженъ на землю, плачюще глаголють:

[л. 57] ЯВЛЕНИЕ І.

Евнухъ.

Оле, оле, что се бысть, како сотворися,
 605 Како господинъ славный, увы, умертвися!
 Горе, горе, сей, иже всюду былъ преславный,
 Ныне поверженъ трупъ его всѣмъ людемъ явный.
 Увы, увы, сей во многихъ странахъ прославися,
 Безобразно на ложи днесъ обезглавися.

Друзи Оловерновы плачють над мертвымъ безглавнымъ трупомъ его.³

¹ Неразбрано одно слово.

² Здесь кончается вставной текст.

³ Эта ремарка помещена на поляхъ.

Второй.

610 Олооернѣ, Олооернѣ, востани наша слава,
 Возвѣсти нам, хто ты затыл і гдѣ есть твоя глава.
 Олооернѣ, Олооернѣ, взирай на полки твоя,
 Ополчи бо ся на ты нынѣ вси враги твоя.
 Олооернѣ, Олооернѣ, кто будет воевати,¹
 615 Кто будет противу враговъ твоихъ крѣпко стояти?

Евнухъ.

Рыдай, Ассирия, ібо вождь твой преставися,
 Которой повсюду славно в силахъ прославися.
 Плачитесь вси полчанѣ, яко васъ остави,
 Егоже [л. 57 об.] Новхудоносоръ над вами постави,
 620 Источай слезы днесъ войско, что главу отдаша,
 Мню разгнѣванныя боги врагомъ ихъ предаша.

Второй.

Прелстила окаянная оная прелестница,
 Смирила себѣ лестию, яко суща пленница.
 Охъ, бѣдъ ядъ скрытый всегда в сердце своемъ носила,
 625 Тѣмъ лукавствомъ главу нашу безглавна оставила.
 О женская прѣлестъ злая, о тое і лукавство,
 Содѣяло намъ плачь велій, стыдъ же і окаянство.

Евнухъ.

Помниши ли, Олооернѣ, мое слово к тебѣ,
 Что сия жена сосудъ смертный носила в себѣ.²
 630 Къ чему не послушал ты моего совѣта,
 За что возлюбилъ тму і такъ скоро лишенъ свѣта?
 Азъ тебѣ о прѣлести ея совѣтовалъ,
 Азъ о лукавствѣ ея много извѣтовалъ.

Второй.

О бѣда, люте мнѣ, днесъ дайте мнѣ острый мечъ,
 635 [л. 58] Или самъ азъ убьюся, или того буду сѣчь,
 Кто насъ с тобою нынѣ, Олооернѣ, разлучилъ,

¹ В рукописи: воевовати.

² В рукописи перестановка словъ с нарушением рифмы: . . . сосудъ смертный в себѣ носила.

Кто любезнаго друга моего свѣта лишил.
 Разсѣку в части тѣло і то буду терзати,
 Раздроблю всѣ составы і кров стану лизати.

Евнухъ.

640 О злая жена, тот ли подарок миѣ обѣщала,
 Которым Оловерна нынѣ ты подаровала,
 По то ль к тебѣ приходил аз, на сие ль ты призывал,
 Ту ли любовь чинити ему аз тебѣ завѣщал,
 Той ли подарокъ твой сей, что имъ мене не дарила?
 645 Лучче бы аз смерть приял, нежели сего умергвила.

Второй.

Не могу терпѣть вреда нынѣ настоящаго,
 Не хочу слышать стыда быги предхотящаго.
 Не имам тя оживитъ своею любовию,
 Отмщу смерть твою, друже, пролитою кровию.
 650 Если не положю той злыя жены под мечь твой,
 То [л. 58 об.] самъ сокрушу на сем мече скоро живот свой.

Евнухъ.

Увы, увы, нам днесъ, державный Оловернѣ,
 Оставил есть жену, іже любил безмѣрне.
 Увы, оставил есть вся желанныя чада
 655 Во слезах, в сиротствѣ, і еще бо суть млада,
 На послѣдокъ оставил милостиваго царя,
 Ему же служил еси, бога і государя.

Второй.

Оловернѣ, что нам делать, не глаголеши,
 Из града вылоска, ты что о семъ изволиши?
 660 Мы без твоей главы не можемъ воевати,
 Яко ты без нѣя, не можемъ пребывати,
 Глава твоя града на стѣне повѣшена,
 В посмѣх врагов твоих, а тѣло повѣржено.
 Что нам болше к тому з гражданы воевати,
 665 Но идем вси в свою землю купно плакати.

Здесь кончается явление 10-е, и тотчас же, в конце листа 58 об., помещено начало 11-го явления: «Является Иудифь, имущая на мече главу Оловернову, Исия, і Ахиор благословляют, і ангель...» Эти строки очеркнуты со всех сторон. Следующий лист (59-й), который заключал в себе (судя по уцелевшим концам строк) написанное основной рукой 11-е явление, был вырезан. Вместо него вклеен другой лист — со следующей прозаической вставкой, написанной той же рукой, что и вставка первая:

[Л. 59] Егда же услышаша вси вой ассирийския Оловерна усечена, отиде ум и совѣтъ от них, и обят трепеть, и страхом содвигаемы бѣжаху.

Побѣгша же по путем полскимъ и стезям холмским.

Ви гвѣше же сыновѣ израилевы бѣгущих, возслѣдоваша их, трубяще в трубу и вопияху во след их.

Асирияне же несоединены бежаху стремглавъ. Сыновѣ же израилевы, единомысленно погоняше, поразиша их.

Посла же Иосия послы по всѣм градом и странам, собра множество юнош и посла вслѣд их.

Настигше их, избивша их мечем [л. 59 об.] и придоша на край прѣдѣл своих. Оставшие же в Виеуліи градѣ въздоша на слѣны ассирийския, и пленъ и корысти бѣжащих вой взяша и обогатишася зѣло. Одогвѣвши же обратишася в Виеулію.

Вся же плененная их взяша с собою, яко не бѣ числа овцам и скотомъ и всѣм движущимся. От млада же и до велика обогатишася от пленения.

В тридесят же днех едва собраны корысти вой ассирийских людьми израилевыми.

Вся яже бяху Оловернова от злата и сребра, и одѣяние свѣтло, и камень драгое отдаша Иудивѣ. Иудив же вся сосуды бранныя Оловерновы и завѣсу даде в проклятие вѣчного воспоминания, и богу слава. Аминь.